

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 2/38

ФЕВРАЛЬ 1937 г.

№ 2/38

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат. — Закат «Армяно-Грузинского Униона».*Энрико Писабато.* — Италия, Турция, Кавказ.*Кн. Токаржевский-Карашевич.* — Еще о «Севере» и «Юге».*Андрэ Тамаш.* — Венгрия и ее домогательства.*З. Авалишвили.* — Старые и новые дагестанцы.*Тамбий Елекхоти.* — Кавказ между Севером и Югом.*В. Оленин.* — Из февральских заметок.*В. Цицишвили.* — В поисках доктрины.*Обзор печати.**Г. Баммат.* — Pro domo sua.*Хроника.**Библиография.*

Итак пресловутый «Унион» «отцвел, не успевши расцвести, в утре пасмурных дней»...

Ниже читатели найдут весьма пикантные выдержки из меньшевизкого «Брдзолис Хма» и национал-демократического (Нюанс Асатиани-Вачнадзе) «Самшобло».

Мы не станем доискиваться почему грузинским меньшевикам, для того чтобы занять в этом вопросе ясную и четкую позицию, понадобилось без малого десять месяцев.

Ответ на этот вопрос наши читатели могут быть найдут в чрезвычайно интересной статье г. Энрико Инсабато: «Италия, Турция, Кавказ», которую мы печатаем в этом же номере.

Ни для кого не секрет, что в представлении некоторых хитроумных кавказских политиков «армяно-грузинская» сепаратная комбинация как то связывалась с итальянской заинтересованностью в кавказской проблеме.

Эта заинтересованность мыслилась ими, конечно, в плане враждебном Турции. Отсу-

да и специфический характер первого бюллетеня «Униона» и откликов на него армянской прессы, отмеченных нами в свое время в «Кавказе»...

Имперская политика Италии, слава Богу, пошла совсем иными путями, чем этого хотелось авторам «Униона»...

Вся политическая эмиграция Азербайджана и Северного Кавказа, без малейшего исключения, и весьма авторитетные круги грузинской национальной эмиграции, группирующиеся вокруг нашего журнала, реагировали на безумную затею с должной энергией...

В результате мы с искренним удовлетворением можем отметить, что серьезная опасность угрожавшая моральному единству кавказской политической эмиграции, стоящей, несмотря на всю остроту идеологических расхождений, на платформе независимости и конфедерации, как будто миновала.

С этой точки зрения мы искренно приветствуем выступление грузинских меньшевиков, хотя и очень мало верим их искренности. Для настоящего момента с нас достаточно и того, что еще один раз они оказались вынужденными говорить общим с нами языком...

Не без удовольствия отмечаем мы и не лишнее своеобразного комизма выступление против «Униона» журнала «Самшобло». Оно невольно вызывает в нашей памяти бессмертный образ гоголевской унтер-офицерши... «Самшобло» является органом как раз той самой крохотной группы грузинских национал-демократов, которая была официальным партнером армянской партии Дашнакцутюн в неудачной игре в «Унион»...

Мы охотно закрываем глаза на блатный жаргон матерого меньшецкого публициста очередной провокацией и обычными непристойностями по адресу нашего журнала, пы-

тающего прикрыть запоздалый вольт-фас своей партии...

Этим дешевым приемом никого уже обмануть нельзя...

Армянская политическая общественность и руководящая ею партия «Дашнакцутюн» получила серьезное предупреждение и весьма назидательный урок...

Мы хотим надеяться, что урок этот не пройдет для них бесследно, что вытекающие из него выводы будут сделаны...

В нашем понимании выводы эти должны свестись:

Во первых — к окончательному осознанию географического, экономического и политического единства Кавказа.

Во вторых — к бесповоротному признанию недопустимости образования в недрах Кавказа каких бы то ни было сепаратных соглашений, направленных против тех или других кавказских соседей.

В третьих — к решительному восприятию той политической аксиомы, что для борющихся против московских оккупантов за свою свободу и независимость кавказских народов есть один лишь враг — на Севере — на юге же у них находятся только естественные друзья и потенциальные союзники.

Когда армянская общественность, которой — мы охотно это признаем, — не легко отделаться от некоторых весьма тяжелых воспоминаний прошлого, удастся сделать эти выводы, а затем и претворить их в принципы практической армянской политики — с нашей стороны не только не встретится никаких возражений против самых разнообразных форм армяно-грузинского сближения и объединения — но мы будем их всячески приветствовать и поощрять...

Ибо, думается нам, в результате такого объединения быть может легче и безболезнен-

нее удастся разрешить острые армяно-грузинские территориальные разногласия, путем ли полюбовного, удовлетворяющего обе стороны размежевания, или путем возведения спорных районов в автономные административные единицы наряду с четырьмя основными национальными штатами, или какими либо иными мыслимыми путями...

«Брдзолис Хма» между прочим усмотрела какой то дьявольский подвох в проекте азербайджано-горского административного объединения, о котором мы упомянули вскользь в связи с одной из статей «Кавказ-Альманахи».

По свойственной ему милой привычке меньшевицкий официоз не обошелся, конечно, и в этом случае, без вульгарной передержки.

...«Таким образом «Кавказ» и «Альманахи» разрешают существовать «Униону», пишет в последнем номере «Брдзолис Хма», но вместе с тем сами собираются создать Азербайджано-Горское административное объединение, *безразлично внутри или вне конфедерации*».

Вот эти подчеркнутые нами слова, в корне противоречащие духу, и целеустремлениям наших товарищей в Истамбуле, являются просто злостной выдумкой изобретательного меньшевицкого комментатора.

Ни этих слов, ни чегонибудь хоть отдаленно намекающего на возможность создания Азербайджано-Горского блока вне конфедерации, конечно, ни в «Кавказе», ни в нашем Стамбульском Альманахе никогда не было и не могло быть.

Есть другое и все патриоты, честно стремящиеся к созданию объективных условий, необходимых для жизнеспособности и внутренней спаянности различных частей будущего кавказского государства должны этому радоваться.

Есть стремление теперь же, в корне устранить возможность в будущем каких бы то ни

было пограничных споров и недоразумений между Азербайджаном и Северным Кавказом.

Ответственные политические деятели Азербайджана и Северного Кавказа, учитывающие уроки прошлого, не могут не думать о том, что для советизации Азербайджана Москва использовала существующую между Азербайджаном и Северным Кавказом контроверзу относительно Кубинского уезда.

Ультиматум национального правительства Азербайджана был предъявлен вовсе не центральной московской властью, а специально на сей предмет созданным Революционным Комитетом Южного Дагестана...

Покуда в Темирхан Шуре находилось национальное горское правительство вопрос о Кубинском уезде, как и вопрос о Закаталье, Абхазии и Южной Осетии никакой остроты не имел, ибо ответственные руководители внешней политики Северного Кавказа и в кратковременный период существования республики, и в предшествовавшую провозглашению независимости революционную эпоху, ни тем более во время борьбы Совета Оборона против «добровольческих» армий генерала Деникина, никаких территориальных притязаний к своим соседям не предъявляли.

С первых же месяцев русской революции признав своей целью создание Кавказской Федерации, они принципиально и последовательно отвергали постановку чреватых опасными осложнениями пограничных вопросов со своими кожными соседями, с которыми они мыслили себя в близком будущем в составе единого кавказского государства.

В соответствии с этими именно директивами внешней политики национального правительства в меморандуме, представленном делегацией республики Северного Кавказа Парижской мирной конференции совершенно точно указано, что никаких территориаль-

ных споров, требующих вмешательства конференции у Северного Кавказа с Закавказьем не существует.

Больше того, считал, что первейшей и по моменту единственной задачей является завоевание действительной независимости и внутренняя консолидация молодого государства, национальное правительство Северного Кавказа всячески стремилось к елико возможному в тех условиях обеспечению северных своих границ, путем полюбовного стовора со своими непосредственными соседями казаками.

«Договор дружбы» с Кубанской Радой является типичным образцом этой политики. — Творцы этого договора не остановились перед решительным и весьма болезненным для старой черкесской эмиграции отказом от исторических притязаний, несоответствовавших реальным возможностям горцев...

Здесь не место и не время останавливаться на перепетиях внешней политики Северного Кавказа в период 1917-1920 г.г.

Если мы сочли нужным вскользь коснуться

этого вопроса и освежить в памяти кавказской политической эмиграции некоторые эпизоды прошлого, то только для того, чтобы пояснить, какими мотивами и побуждениями руководствуются те наши товарищи в Истамбуле, которые в предвидении близких событий хотят учесть уроки прошлого и создать предпосылки более спаянного внутри, а следовательно и более сильного во вне, гармонически единого Кавказа.

Только этот смысл и никакой другой, могут иметь и те проекты административного объединения тех или иных частей территории Северного Кавказа и Азербайджана, которые сегодня являются предметом дружеских собеседований аржебайджанских и торских политических деятелей, одинаково не мыслящих независимости своей страны вне независимости Грузии и Армении и объединения их вместе с Азербайджаном и Северным Кавказом в лоне единой Кавказской Конфедерации.

Гайдар Баммат.

Италия, Турция, Кавказ

Следует надеяться, что встреча графа Чиано с г. Рунгу Арасом, турецким министром иностранных дел, обозначит окончательное возвращение к той итало-турецкой дружбе, которая в первые годы фашистской революции, казалось, должна была открыть путь для плодотворного сотрудничества.

Недавний период холодной сдержанности, вызванный недоразумением, ловко использованным происками векового врага Турции — панславизма, сегодня закончен.

Уже обрисовывается широкая программа совместной акции.

Турецкая энергия одержала бесспорную победу в деле об Александреттском Санджака-те. Время ее дополнит.

Несомненно последует вопрос о турках и курдах северной части Алепского вилайета: вопрос сложный, который затрагивает и вопрос о месульской нефти, где входят в игру международные интересы, и, потому, требует со

стороны Турции мудрой и не слишком поспешной политики.

Но есть еще один вопрос, гораздо более серьезный, где общность и параллелизм интересов Италии и Турции несомненны.

Италия, как средиземно-морское государство, не может игнорировать огромного экономического и политического значения Черного моря, которое является по существу ничем иным, как большим заливом Средиземного моря. Через Черное море сегодняшняя Италия, как в средние века Венеция и Генуя, распространяет свое экономическое и духовное влияние среди прибрежных народов: украинцев, горцев северного Кавказа и грузин, и через них в странах Средней Азии.

Проникновение Италии в сердце Азии может идти по дороге, начертанной Марко Поло, а отнюдь не через Месопотамию, Суэц или Сингапур.

Поэтому в интересах Италии, чтобы к Черному морю прилегали дружественные и самостоятельные государства: Болгария, Румыния, Украина, Кубань, Северный Кавказ, Грузия и Турция.

А затем, так как история сделала Турцию стражем проливов, соединяющих Средиземное море с Черным, а *fortiori*, Италии нужна Турция, которая обеспечивает ей свободный проход и которая, в свою очередь, могла бы рассчитывать на поддержку Италии для сохранения своей целостности и политической и экономической независимости.

Из этого вытекает необходимость лояльного сотрудничества, тем более важного, что в индустриальном, минеральном, земледельческом, экономическом отношении Италия, Турция, Кавказ, Украина взаимно друг друга дополняют и все вместе составляют экономический комплекс, представляющий известное

единство с собственной физиономией, определенными интересами, обязанностями и правами, которые оправдывают совместную не только экономическую, но и политическую акцию.

Турция так же, как и Италия, и даже больше чем Италия, нуждается в сотрудниках (не грозящих обернуться во врагов) у берегов Черного моря и в восточной части Средиземного моря, где и Италия, благодаря непреложным историческим, экономическим и духовным потребностям должна иметь возможность свободного развития и самоутверждения.

Кроме того, Турция должна иметь возможность защищать себя и с суши: Александретта и Курдистан являются очень важными, но не главными пунктами; самым уязвимым для жизненных интересов Турции пунктом является Кавказ. Только с высоты Кавказского хребта может Турция успешно защищаться, а отнюдь не из Ардагана или Игдара.

Но между Турцией и цепью кавказских гор существуют народы, независимость которых Италия будет защищать из тысячи различных соображений: грузинский, азербайджанский, а также и армянский.

Отсюда необходимость соглашения, которое удовлетворяло бы внешним интересам Италии и Турции, в частности против тех сил, которые угрожают мирному и плодотворному сожителю Италии, Турции и прибрежных черноморских держав.

Надеемся, что и азербайджанцы, и грузины, и армяне, а особенно эти два последних народа, среди которых в настоящее время некоторые элементы прислушиваются к голосам лукавой, антитурецкой и антиитальянской пропаганды, ведущейся под маской антифашизма, не будут терять из вида, что будущее

их отечеств и их самостоятельность зависят в первую очередь от итало-турецкого соглашения, единственной гарантии мира, равновесия и справедливости в национальных вопросах у берегов Черного и восточной части Средиземного морей.

Энрико Инсабато.

P. S. Автор этой статьи — депутат итальянского парламента, известный публицист и видный ориенталист — знаток вопросов Ближнего Востока, что, конечно, чрезвычайно повышает интерес и значение высказанных им положений. — *Ред.*

Еще о „Севере“ и „Юге“

Уже более полугодя в разных органах кавказской печати продолжается ожесточенная полемика на тему об опасностях, грозящих с севера и с юга кавказским странам, полемика, вызванная докладом кн. Дата Вачнадзе в январе минувшего года и последовавшим в мае провозглашением Армяно-Грузинского Униона.

Хотя как в докладе, так и в изданной впоследствии брошюре кн. Вачнадзе не было просто констатировано, что наиболее опасным соседом является Турция, хотя автор сам строго критикует поведение России по отношению к кавказским народам, поверившим ей, все же довольно туманные формулы и неопределенные термины, употребляемые им для определения настоящего политического положения, позволяют думать, что он категорически не отрицает возможности в будущем каких либо связей с Россией.

Более заинтересованные в этом споре или лучше осведомленные в делах своих соседей и соотечественников кавказские деятели представляют под вышеупомянутые формулы довольно печальные факты, указывая, между

прочим, что доклад и брошюра являлись подготовительной фазой к Армяно-Грузинскому Униону, основанному на каких то политических расчетах, связанных прежде всего с уверенностью в том, что истинная опасность для обоих его членов представляется исключительно с «юга».

Не берясь утверждать, что намерения творцов Униона были правильно истолкованы их оппонентами и даже допуская, что эти последние, увлеченные в разгаре полемики как своим искренним патриотизмом, так и вполне понятным желанием оградить себя от подозрений в какой бы то ни было форме руссофильства, немного стусили краски, мы не можем не отметить, что туманность формулировки не могла не способствовать в данном случае возникновению недоразумений и не вполне правильных интерпретаций.

Украинцы до сих пор считали эту полемику кавказским семейным спором, не придавая ему особенного значения. Надо тоже думать, что инициаторы как Униона, так и, как говорят, связанной с ним оценки или переоценки «опасностей» должны были сделать ка-

кую то попытку найти для украинских друзей успокоительные аргументы, используя для этого как раз эту самую неясность риторических формул. Поэтому, если бы спор так и затянулся и благодаря этому не получил весьма широкой огласки, настолько, что заинтересовал наших близких и далеких соседей и возможных союзников, весьма вероятно, что никто из украинцев вообще не счел бы нужным реагировать на эти словопроения, особенно, если принять во внимание, что для каждого украинского патриота, тот факт, что действительная опасность, как для Украины, так и для Кавказа угрожает только с севера, а отнюдь не с запада и не с юга, давно уже стал непреложной аксиомой. И потому, обращаясь к нашему общему недалекому прошлому и вспоминая о всех договорных обязательствах принятых на себя руководителями кавказской и украинской политики, а также о тех взаимных моральных связях между различными кавказскими и украинскими политическими группами и деятелями, считаю, что наступил момент, чтобы в этом кавказском споре был услышан и украинский голос.

Нас заинтересовало главным образом то, как полемизирующие между собою кавказские авторы толкуют термин «север» и какой географический и политический смысл они подставляют под этот поэтический образ. После всего написанного остается впечатление, что никто из них, кроме одного, г-на Тамбия Елекхоти («Кавказ», август 1936 г., стр. 23), совершенно не задумывается о том, что с кавказскими странами может граничить с севера, что нибудь иное, кроме могущественной, неделимой России в ее современных интегральных, но почему то без Кавказа, границах. По какому мановению и чьей магической палочки Кавказ будет внезапно вырван из крепких объятий этого самого «севера», в составе коего он пребывает сегодня, с тем,

чтобы сразу же очутиться его непосредственным соседом.

Будучи в полном неведении тех закулисных обстоятельств, которые привели к постановке вопроса о «севере» и «юге» и послужили толчком к этой полемике, мы, украинцы, во всяком случае не можем не охарактеризовать такую твердую уверенность в существовании какой то России непосредственно у кавказских границ, как явление, с нашей точки зрения, отрицательное и при том могущее радикально изменить нашу позицию по отношению к кавказским вопросам.

Когда в 1917 и 1918 г.г. новые государственные образования на развалинах романовской империи одно за другим провозглашали свою самостоятельность, то все они были тогда одушевлены одним, общим, радостным энтузиазмом и даже отдельные граничные споры не были в состоянии омрачать общее удовлетворение когда соседний народ тоже освобождался от русского ига с твердым намерением закрепить, как и свою независимость, так и свободу всех отделившихся от «неделимой».

В этом, полном искреннего идеализма, чувстве взаимной солидарности надо искать источник всех инициатив, предпринятых в первую очередь украинцами для создания «общего фронта» освобожденных из русской тюрьмы народов. Я имею в виду киевский съезд представителей этих народов в 1917 году, установление союзных взаимоотношений с Доном и Белоруссией в 1918 и 1919 г.г., договоры с Польшей и Кубанью в 1920 году, и, наконец, в 1921 и 1925 г.г. договоры с Азербайджаном, Горской Республикой Северного Кавказа и Грузией (Армения тогда от подписания такого договора отказалась). И даже когда все очутились в эмиграции — правительства, деятели, частные лица, этот «самостоятельный» энтузиазм продолжал гореть

среди них, находя свое выражение в самых различных формах сотрудничества между украинскими и кавказскими народами. Украинцы никогда не переставали считать такое сотрудничество логическим и необходимым. Руководились они (и, подчеркивая это, мы бы хотели, чтобы наши кавказские друзья твердо об этом помнили) не столько расчетами на какую-нибудь поддержку, сколько искренним идеализмом, который мы сознательно вводили в нашу политику и в наши договорные или дружественные отношения.

Возвращаясь теперь к вопросу о географическом положении Кавказа и его соседей, мы считаем нужным напомнить кавказским авторам, принимающим участие в полемике, что с землями Горской Республики Северного Кавказа непосредственно граничит «юридически существующее», волею народа объявленное независимым кубанское государство, с правительством которого Украина в свое время заключила договор, остающийся в силе, как и все иные аналогичные договоры. Несомненно, что поддержка «самостийнических» течений среди донских и кубанских казаков лежит в наших общих интересах и потому совершенно излишне создавать у них впечатление, что мы с легким сердцем оставляем их топить в русском государственном или даже национальном море.

Наши кавказские друзья могут быть уверены, что все украинцы будут испытывать чувство глубокой радости, если бы, действительно, началась «внезапный отлив русских красных дивизий» со всего Кавказа так, как это предвидит кн. Вачнадзе на основании суждений разных русских военных авторитетов. Но к сожалению, мы позволяем себе сомневаться в правильности этих суждений со всеми приходящими моментами относительно роли в éventуальных событиях разных великих и малых держав. Мы скорее склонны от-

носить их к категории словесных оборотов, может быть блестящих и интересных, но скорее опасных, припимая во внимание ныне горький осадок, который останется после всех дискуссий ими вызванных среди эмиграции Кавказа и его действительных близких и далеких соседей. Мы, например, уверены, что в случае появления с запада и с востока на территории СССР какой-нибудь внешней военной силы, «красные дивизии» разбегутся, превратившись в стада баранов (может быть бешеных, но баранов) еще скорее чем это случилось в 1917 году с императорской армией.

Мы с глубоким удовольствием приветствовали заключение Армяно-Грузинского Униона, понимая его, согласно публичных заявлений одного видного армянского деятеля, как первый шаг к согласованию нашей общей политики, иначе говоря, как отказ армян от их традиционного руссофильства. Нам трудно было предположить, что оно стоит в какой-либо связи со специфической постановкой вопроса о «севере» и «юге» и послужит одним из поводов для возникновения в кавказской среде полемики, которая заставит призадуматься и нас украинцев.

Если руководясь какими-то специальными эгоистическими соображениями, которые мы кроме того считаем ошибочными, кавказцы захотят вести свою политику в направлении противоположном нашему, бросив в Лету все ненужные «колочки бумаги», «прометеевские» декларации и дружеские, взаимные обязательства, явившиеся основой кавказско-украинских gentlemen agreements, вполне понятно, что в таком случае и мы, украинцы, будем вынуждены подвергнуть ревизии наши взаимоотношения. Однажды придет момент, когда национальная Турция перестанет нуждаться в дружбе России, и тогда нам будет очень легко возобновить с ней старые друже-

ственные связи, закрепленные договорами, подписанными в свое время нашими гетманами Хмельницким, Дорошенком и Орликом, память о которых еще жила у турецких государственных деятелей в 1918 и последующих годах. Уже сегодня замечаются первые симптомы этого неизбежного разрыва между двумя случайными и противоестественными союзниками. История иногда повторяется и можно предвидеть, что скоро вновь создаст-

ся положение, отчасти напоминающее 1918 г.

Разделяя основные взгляды редакции «Кавказа» мы бы искренно желали, чтобы полемика на эту тему прекратилась ввиду того, что самый факт ее производит неблагоприятное впечатление, вызывая предположение, что среди кавказских деятелей еще доживают веку сторонники какого то русского «севра».

Кн. Токаржевский-Карашевич.

Венгрия и ее домогательства

До войны Венгрия, географически очерченная естественными границами, была в центре Европы самой однородной страной. Она насчитывала только 20.886.000 жителей, но ее центральное положение давало ей гораздо большую значительность, чем считая по числу жителей, так как она была естественным посредником между восточными и западными частями Европы, разделяя между собой латинские, славянские и германские расы. После войны те 8 милл. венгров, которых Трианонский договор оставил объединенными в независимом государстве, еще достаточно сильны по своему географическому положению, чтобы играть в Европе значительную роль, но искалеченная Венгрия не в состоянии по-прежнему выполнять свою великую историческую миссию и устанавливать равновесие различных домогательств мировой гегемонии.

Еще задолго до войны наши враги объявляли, что большой человек Европы — это Австро-Венгерская монархия. В те времена мир

признавал только эту монархию, и никто ничего не знал о самой Венгрии. Под общим именем Австрии объединяли все владения Габсбургов. Заграницей не хотели знать, что австро-венгерская монархия не представляет собою однородной державы, но объединяет два равноправных государства на базе дуализма.

В действительности, раньше чем Габсбурги сделались королями Венгрии (1526 г.), в течении столетий Венгрия уже была однородным государством в своих естественных границах, а территория Австрии и до, и после 1526 года постоянно видоизменялась, в зависимости от военного счастья. В 1526 году Габсбурги правили лишь частями Австрии, расположенными на западе от Венгрии. После 1526 года они завоевали Силезию, Галицию, Буковину, а также Далманию, Боснию и Герцеговину.

Эти интересы Габсбургской династии создали Австрию.

Между тем как политическая необходимость создала Венгрию.

право на армию в 35.000 человек, между тем как окружающие государства, которые не скрывают своих враждебных настроений, Румыния, Чехословакия и Югославия, располагают в мирное время 542.000 солдат в общей сложности. При мобилизации это и без того ошеломляющее неравенство становится еще огромнее. Венгерская армия не может иметь ни резервов, ни мобилизационного плана. А когда соседи мобилизуют, то они могут двинуть против 35.000 венгров армию в 4.365.000 человек, при самом современном и усовершенствованном ее оборудовании.

В особенности характерно то положение, в которое Трианонский договор поставил Венгрию в случае газовой атаки. Запрещена всякая защита против газов. Лига Наций, занимаясь вопросом о производстве удушливых газов, разрешила державам-победительницам это производство якобы в промышленных це-

лях, но когда Венгрия, указывая, что соседи производят такие газы, просила Лигу Наций разрешить ей производство хотя бы противогазовых масок, то Совет Лиги Наций отказал в этом ходатайстве, и лишь после повторных заявлений Венгрии разрешено иметь 50 тысяч масок. Это самое ужасное преступление перед историей, которое взяла на себя Лига Наций, — не разрешить мирному населению обеспечить себе защиту против газовой бомбардировки. Таким образом женщины, дети, старики и все вообще гражданское население Венгрии решением Лиги Наций отданы во власть газовой атаки.

(Окончание следует)

Андрэ Тамаш,

Женевский секретарь
Венгерской Лиги
пересмотра мирных договоров.

Старые и новые дагестанцы

1

КАЖДОМУ СВОИ ЧЕРЕД

(К судьбе Закатальского округа)

Некоторые обязательные, внешние черты советских писаний — речь сейчас о трудах по кавказоведению — могут не нравиться читателю; это не умаляет их достоинств, когда они налицо. Пример — мнимо марксистская подливка к предлагаемым (литературным) блюдам, всегда та-же, из ненужных, но благонамеренных цитат, трафаретных упоминаний или наломинаний... В них нет большой беды. К такого рода защитному цвету или

оперению авторы часто прибегают осторожности ради, иногда и без необходимости. Или взять хотя-бы модное, настойчивое противопоставление прежним исследователям — «буржуазным», «великодержавным», всегда во власти заблуждений, — писателей советских, держателей и распределителей истины: залпные тоже невинного свойства. Гораздо важнее и положительнее следующее: советский строй, вообще нисколько не поощряя свободомыслия,

охотно допускает самую строгую критику *пронильных* проявлений российского «империализма» и «великодержавного» направления царской политики. Благодаря этому, оказалось возможным и дозволенным подходить к переоценке многих событий прошлого, в частности и на Кавказе, с такой свободой суждения, которой «советские» кавказоведы не могли бы, очевидно, себе разрешить при изучении недавнего прошлого; пожелаей они, например, отозваться беспристрастно о том, как, какими путями советская Россия вернулась в 1920-1921 г.г. к старым, насильственным позициям российского империализма на Кавказе.

Есть, с другой стороны, что-то фальшивое в укорах по адресу «великодержавности» и империализма «царской» России — которая ведь не была только царской — когда они исходят от писателей, ученых, коренных «русачков». Ведь самое существование их на Кавказе и занятия кавказскими материями были бы немислимы и невозможны, если-бы в свое время «императорская» Россия так прочно не обосновалась на Кавказе. К тому-же, при всех успехах критики, новейшие русские исследователи, именно вследствие обязательности для них некоторых оценок и некоторых умолчаний, не в силах высказываться ясно и определенно по существу многих изучаемых фактов.

В послужившем поводом к настоящей заметке интересном сочинении о *Джаро-белаканских вольных обществах в первой трети XIX столетия* (Тифлис, 1934) автор г. И. Петрушевский занятие этих обществ «царскими» войсками и утверждение там — т.-е. в будущем Закавказском округе — русской власти, считает актом колониальной захватнической политики. Он упрекает, вместе с тем, «великодержавных» историков — в данном случае, Дубровина, Буткова, Потто, Иваненко, Эсадзе, Ливевича и др. — в распростра-

нении легенды о защите при этом «христианской культуры Грузии от набегов горских народов», «от варварства» и пр. С другой стороны, автор наш несколько не отрицает того, что население Грузии действительно страдало от набегов; напротив, он очень рельефно показывает, что в организации этих набегов на Грузию и северный Азербайджан как раз Джару принадлежала руководящая роль; и что «военные походы джарцев были с половины XVIII века прежде всего организованной охотой за людьми в целях работорговли или выкупа» и т. д.

Такое положение вещей, заметим в скобках, оказалось возможным, конечно, лишь благодаря ослаблению и обезлюдению Грузии в XVII и XVIII в.в. Но она боролась с ним, как могла, временами довольно успешно. С того же момента как Россия или, если угодно, «русский империализм» осуществил «захват» Грузии, задача по ограждению ее населения от этой «охоты за невольниками» перешла на новую власть. С задачей этой она, надо это признать, справилась, т.-е. разрешение ее оказалось фактически связанным с установлением нового государственного, военного и полицейского строя на Кавказе.

Следовательно, дело не в отдельном предосудительном «колониальном захвате» российским империализмом «вольных обществ», образованных за р. Алазань выходцами из Дагестана, а в специальных условиях и обстоятельствах водворения к югу от Кавказского хребта, т.-е. в Грузии, российской власти вслед за овладением ею-же в XVIII столетии пространствами к северу от него — сложный, длительный процесс или даже ряд процессов, в которых мотив «колониального захвата» не только не единственный, но даже и не главный.

Джаро-белаканские вольные общества, чьи владения впоследствии превратились в «За-

катальский округ», действительно заслуживали специального изучения. Это на редкость интересный угол Кавказа, поучительный и по историческим своим судьбам на перекрестке Грузии, Дагестана и ханств Южного Кавказа, и по своему национально-племенному складу и по социальным внутренним взаимоотношениям, в нем господствовавшим до недавнего времени.

Наряду с преобладавшими на Кавказе разнообразными формами монархического владения, ему были знакомы и республиканские группировки населения, преимущественно в горах — например, вольные общины Дагестана или Сванетии. Им приходилось иногда отстаивать свою независимость от стремившихся подчинить их себе феодальных владетелей (пример — борьба на этой почве обществ Вольной Сванетии). В эпоху, предшествовавшую водворению русской власти на Кавказе и в первые дни вслед за ним, Джаро-белаканские общества были там наиболее значительной республиканской формацией, располагавшей и собственными, иногда же и союзными (дагестанскими) военными силами внушительной численности. От главного из них — Джарского общества — стояли в зависимости Елисейские «султаны», исторически преемники правителей грузинской области Елисен (отсюда и наименование); а политическое влияние его простиралось иногда и на соседнее ханство Нухинское (= Шеки). С точки зрения племенного состава, господами положения являлись осевшие в этих общинах дагестанские горцы, преимущественно авары; политически и социально подчинены были аварскому большинству ингилом (грузины) «новообращенные в ислам» и мугалы (турки). По переписи 1871 года в Закатальском округе с Елисейским султанством насчитывалось на 56.802 жителей — аваров 26.141, цахуров 8.269, ингилов 10.220, мугалов 12.172.

Как ни интересны и не своеобразны были формы порабощения и эксплуатации одних племен другими в этой республике — об этом много было написано, «буржуазные» авторы достаточно потрудились, чтобы облегчить «советскому» исследователю его задачу; достаточно назвать М. М. Ковалевского — в данный момент мы предполагали остановиться хотя бы вкратце, не на социально-экономической характеристике Джаро-белаканского союза, прекрасно разработанной г. Петрушевским, а на вопросе о происхождении аварского господства в восточной Кахетии.

Вдумываясь в условия, подготовившие отторжение, к началу XVIII века, от Кахетии всей ее восточной части, автор совершенно напрасно оставил без внимания разрушения, ее постигшие еще при Тамерлане в 1399-1400 г. Об этом недавно с большими подробностями напомнил в специальном исследовании В. Ф. Минорский (см. здешний *Журнал Азиатик*, 1930 г.). Тогда сравнены были с землею поселения, превращены в развалины церкви и др. здания. Под предлогом ненависти к одному из главных занятий страны — виноделию — подверглись систематическому уничтожению виноградники, были вырублены сады и т. д. Уже в связи с этим создаются условия, благоприятные тяге населения из Дагестана в Алазанскую долину. Однако, наметилась она никак скоро. Лишь к концу XV века относится, по видимому, возникновение первого лезгинского поселения на южном склоне Главного хребта (Сарыбаш в верховьях Курмуха. Долина этой реки, где расположен Ках и пр., входила в состав кахетинского округа Елисен).

Колонизация опустошенных районов поселенцами из Дагестана, по соседству, на первых порах, и не представляла какой либо опасности. В XVI, например, столетия, царство Кахетинское далеко не производило вне-

чтления уладка. Оно даже стремится расширяться как раз на востоке, в сторону нынешней Нухи. С этой именно эпохи наш автор и начинает свое изложение. Он отмечает заблуждение тех, кто ко времени шаха Аббаса I относит массовое и как бы единовременное вторжение горцев. На самом деле этого не было. Поселения авар имелись в восточной части Закавказской Кахетии задолго до того, и даже вольные общества в горах юго-западного Дагестана «входили в систему кахетинской феодальной иерархии, признавая зависимость от кахетинских царей». Приводится здесь, кстати, и свидетельство историка XVIII столетия Вахушта о поселении царем Леваном лезгин-аваров в 1549 г. в Пишинети. Место это стало называться позже Джаром, и «леки», т. е. лезгины, прибавляет ученый царевич, «превратили его в твердыню и прославили в войне». («Географическое описание Грузии» Вахушта).

Полное освобождение аварских общин восточной Кахетии от власти кахетинских царей произошло лишь к началу XVIII столетия; и, разумеется, для завершения этого процесса и для превращения здесь грузин в поработенное меньшинство требовался целый ряд предпосылок. Из них главная — это погром, которому подверглась Кахетия во время вторжений шах Аббаса, особенно, в 1614-1615 г.г., когда насильственно переселена была в Персию значительная часть населения. Особенно же пострадали ее восточные, закавказские округа. Цветущая, богатая, культурная страна на долгие годы была обречена на запустение. Планомерно вырублены были тутовые насаждения, основа шелководства, а, главное, разрушена вся общественная, административная и церковная организация, и пр.

Тогда-то и сложились условия, связанные и с международной обстановкой, благодаря

которым поселившимся в восточной Кахетии аварам удалось произвести полный переворот в социальной и политической жизни края. Случилось это не сразу, но, в конце концов, граница Грузии отодвинулась на запад весьма чувствительно.

В течение более чем столетия эта своеобразная республика играла не малую роль в кавказской политике. Занимая выходы из ущелий, прочно прислонившись к Дагестану и обосновавшись на левом берегу Алазани в нижнем ее течении, жаро-белоканские общества были и сами по себе опасною запозою в боку Грузии и Азербайджана, вдобавок же они часто служили трамплином для наступлений или убежищем в случае нужды всему Дагестану, а военные предприятия этой «страны гор» или набеги ее обитателей, как известно, влекли за собой иногда международные осложнения большого политического значения (достаточно вспомнить ограбление Шемахи и Ширвана в 1710 г., давшее повод к персидскому походу Петра Великого).

После присоединения Грузии к России в 1801 г. часы Джара были, конечно, конечно, что называется, сочтены. Впрочем, длились эти «часы» добрую четверть века.

Вольные общества вынуждены были признать власть над собою России в 1803 г., при Цицианове. Официально это считалось воссоединением с царством Грузинским, «отторгнувшейся (от него) в прошлом столетии Джарской провинции». Окончательное занятие области произошло в 1830 году. Тогда же подавлено было очень энергичное восстание и полному разрушению победителями подверглись старые Закаталы и Джар, и даже самые имена их приказано было «предать забвению».

Политическая и социальная история области, отражения на ней событий в Грузии и в Дагестане, роль *тожумов* (родовых общин) и

джемаатов (общественных сходов, как органа вольных обществ), внутреннее их расслоение на почве хозяйственной дифференциации, взаимоотношения селений владельных или владельческих, этих «коллективных сеньеров», преемников грузинских феодалов, и селений зависимых, подвластных; отголоски дагестанского юридика в области; конец «султанства» Елисуйского после перехода на сторону Шамиля в 1844 г. последнего султана Даниель-бека — все это представлено в сочинении г. Петрушевского с большим знанием дела, очень интересно и основательно, с убедительным вскрытием экономических и политических пружиц, двигавших событиями, беспристрастно, и даже не без нарочитого, довольно таки условного под пером русского ученого, отказа от «великодержавного» подхода к вещам.

Грузинский пролог к этой местной, «закавказской» драме оказался, как мы видели, несколько скромным — можно сказать, по необходимости, потому что остановился автор подробнее на этом «прологе», т.-е. на борьбе Грузии с Тамерланом и с шах-Аббасом, сра-

внительно мелкими показались бы и экспедиция генерала Гулякова в Белакаан в 1803 году и разрушение Джара при Паскевиче в 1830 году. Между тем, в условиях места и времени, события эти имели большое значение и, несомненно, заслуживали монографического изучения. По этой же причине нет здесь и намека на *эпilog* всех пережитых восточную Кахетию катастроф. Эпilog же этот заключается в том, что страна эта вошла в состав *Азербайджанской республики*, а не Грузии и не Дагестана. Развязка, пожалуй, неожиданная. Как и почему это произошло, вопрос особый. Одно лишь не вызывает сомнений: и Тамерлан, и шах-Аббас хорошо поработали в свое время на пользу Азербайджана, в краю, бывшем когда-то, очень давно, сферой влияния и Армении, ставшем на долгое время частью Грузии, а позже — владением горцев. Дошла теперь, по заслугам предков, очередь и до Азербайджана.

Почему нет? Разве не может и такое решение оказаться для всех приемлемым? Были-бы обеспечены необходимые гарантии и соблюдены известные условия: вопрос в этом.

2

«СТРАНА ПОСЛЕДНИХ РЫЦАРЕЙ»

ХАЛИЛ БЕГ МУССАЙАССУЛ и ЛУИЗА ЛАПОРТ. Страна последних рыцарей.
(Мюнхен, 1936 г., 264 стр. Иллюстр.).

DAS LAND DER LETZTEN RITTER. Eine Erzählung aus den kaukasischen Bergen von Halil Beg Mussayassul, aufgezeichnet von Luise Laporte. (С. Н. Beck. München, 1936).

Гжа Лапорт облегла в литературную немецкую форму «рассказ из кавказских гор» — воспоминания о прошлом, от раннего детства до вынужденной эмиграции в 1921 году, художника и рисовальщика Халил-бега Мус-

сайассул. Получилась очень живая и интересная книга. Автор — уроженец аула *Чох*, достаточно известного в истории Кавказа, и вырос в семье, всеми нитями связанной с Дагестаном, но не оставшейся в стороне и от

влиятельной официальной России: дед рассказчика пал под Карсом в рядах русской армии, а отец служил в кавказском конвое императора Александра II и, позже, набом у себя на родине. Однако, стародавние дагестанские традиции полновластно господствовали в доме, и силу их автор живо испытывал на себе — иногда в самой неожиданной обстановке — и тогда, когда уже прошел русскую школу, и поучившись за-границей, стал европейцем. Так, в конце книги, рассказав об одном своем увлечении в Константинополе (эмигрантский Стамбул 1920 г.г.!) и о том, как он от него отделался, автор с удовлетворением отмечает, что ничего в руках этой «Ксении Александровны», русской актрисы, голубоглазой, с капризным носиком, он не оставил: «Я уберег от нее, посреди этого замешательства, мое заветное сокровище, о котором она и не догадывалась: я не отдал ни страны в горах, ни тамошних мужей и жен, ни скал и каменистых тропинок, ни пастухов с несчетными стадами, ни оружия и коней, ни старых песен и преданий»... Всем этим, можно предполагать, «Ксения Александровна» мало интересовалась. Но не напрасно говорит автор с таким чувством и так торжественно о своем заветном сокровище: как раз ему-то и посвящена по существу вся книга. В ней хорошо отразился и патриархальный уклад дагестанской семьи, и живые еще отклики шамилевских времен, и своеобразные условия горской жизни вчерашнего дня, когда все еще насаждалась, по старине и по привычке, мусульманская обязательная премудрость в *медресе* (с любовью зарисовал автор профиль одного учителя — Мохаммеда из Сугратля). А в это время уже готовились к борьбе другие дети той-же страны, пускай немногие, приверженцы другого, новейшего ислама — революционного, марксистского. В книге живописуется, конечно, по преимуществу Даге-

стан консервативной закваски, притом, в верхних его слоях, и о нем автор сообщает много яркого, простого, интимного. Впрочем, ни малейшей отрешенности от народных «масс» здесь, конечно, нет. Напротив, большой интерес представляют именно такие, из народной гущи выхваченные, фигуры, как, например, старый служитель Рамазан с его обстоятельным рассказом о прежних, старых (языческих) богах (он их перечисляет) и о том, что с ними случилось после усвоения истинной веры; маленькая пастушка Билян — предпримчивая приятельница отрока-автора, предложившая ему как-то, к немалому его смущению, «поиграть в любовь» — украшенная зеленью и ветвями, в процессии, испрашивающей у неба дождя во время засухи; старый пастух Герги, героического, в глазах автора, склада — целый ряд охотников, наездников, рассказчиков, кровомстителей... Быть может, в заботе об иностранном читателе, отдана некоторая дань и намеренной стилизации: нукеры слишком уже часто пускаются вскачь, а ученые сокола взлетают в высь, чтобы ринуться на пернатую дичь. Впрочем, жизнь так и рисовалась, вероятно, дагестанскому барчуку, каким, видимо, рос автор, и он лишь правдиво изображает свои переживания.

С достаточной свежестью и правдоподобием воспроизведены и ранние впечатления бытия, и рассказаны как грустные, так и радостные события семейной хроники; притом, с рассказом удачно сплетаются разнообразные элементы фольклора, например, известная песнь о Хочбаре хидатльском, «романтическом» разбойнике и, одновременно, певце: хунзахский *нуцал* (владелец) заманил его к себе, и уже готов костер, на котором его сожгут. Нуцал просил его спеть что-нибудь в последний раз; ему развязывают руки, и он поет, наигрывая на *чонгуре*, о своих раз-

бойных подвигах, а потом, внезапно, схватывает двух малолетних сыновей нуцала и бросается с ними в огонь.

Автор, прежде всего, артист (интересен его рассказ об уловках, к которым он вынужден был прибегать в детстве, чтобы дать простор своей любви к рисованию: на это влечение косо смотрели окружавшие его мусульмане-староверы; зато поощряли ребенка работавшие в доме мастера-ремесленники); и человек почвы, предания. Был он, однако, свидетелем и событий революционного времени на Кавказе, и впечатления его, при всем бытовом, неполитическом, по преимуществу, их характере, не пропадут, в будущем, для историка. Вспоминает он с признательностью о первых, многообещающих днях горской независимости, о кавказском съезде в Ведено, о прибытии в Анди имама Нажм-уддина, в сопровождении Узум-Хаджи и юридов, распевавших гимны — незабываемые моменты, когда «страна эта, из многих гор и долин, была одной страной, народ этот, из многих племен, был одним народом, и одна судьба связала все воедино» (стр. 198-200). Сообщает автор и о личных встречах с Нажм-уд-дином, о большом, полученном при этом, впечатлении, и о «трогательной» подробности: имам собирався заказать автору свой портрет и заранее просил художника изобразить его бороду — в ней уже было достаточно седин — почернее.

Имеются в книге интересные отметки и о горцах-революционерах, прославившихся в те времена, в частности, о Махаче Дахадаеве в чью честь Петровск, ставший при горском правительстве Шамиль-кала, был позже переименован в Махач-кала. Как Шамиль, уроженец аварского аула Гимри, Махач и женат

был, оказывается, на вичке Шамиля (своеобразное сочетание!). Образованность (Махач был инженером путей сообщения) не мешала ему, по мнению нашего автора, быть по существу тем-же бунтарем-абреком в роде Зелым-хана или Хочбара гидатльского (см. выше). Кратковременным оказалось господство Махача в Темир-хан-шуре. Как известно, он был убит националистами, бравшими тогда верх, и за гробом его, рассказывает автор, сам участник процессии (в виду знакомства с семьей), шло всего лишь несколько движимых земляческими чувствами бедняков-аварцев да русских рабочих! Не удивительно, потому что на пути к кладбищу процессия встретила с вступавшим в город отрядом националистов. Бывшие во главе его офицеры, узнав, кого хоронят, изумились: «как это? погребают Махача, и все его оставили!». Немедленно была отдана команда спешиться, оказаны почести навшему противнику и произнесена заупокойная молитва — черта, понятная в «стране последних рыцарей».

Книга издана прекрасно, ее переплет и бумажная обложка очень приятно украшены стильными орнаментами и придуманными автором кавказскими эмблемами. Европейский читатель будет особенно чувствителен к превосходно дополняющим текст иллюстрациям автора — нескольким, воспроизведенным в красках, акварелям, на отдельных листах, в которых художник старался выразить хрупкую красоту и грацию горской женщины, и многочисленным рисункам, отчетливо и с уверенностью передающим характер дагестанского пейзажа и все своеобразие бранных, всаднических традиций Кавказа.

Кавказ между Севером и Югом

(Окончание)

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

Положение Кавказа между Севером и Югом настолько ясно, что объективно подобный вопрос в нашей работе не должен был бы иметь места. На протяжении последних двух столетий Кавказу угрожал всегда Север, в конце концов завоевавший его огнем и мечом. Мы рассматриваем это завоевание, как оккупацию и ведем борьбу за освобождение и государственную независимость Кавказской Конфедерации. Юг и Юго-Восток, если в прошлом вели войны с кавказскими народами, то не для присоединения Кавказа к своим владениям и превращения его в свою провинцию, а скорее как будто бы по стратегическим соображениям. Вековая борьба, как известно, велась между Турцией и Персией. И та и другая держава всегда стремились иметь на своей стороне южные кавказские страны: Грузию, Армению и Азербайджан, иногда посредством дружеских и союзнических связей, а когда это не удавалось, то и силой. Однако, из всего того, что нам становится известным из истории взаимоотношений кавказских стран с Персией и Турцией приходится заключить, что ни Персия, ни Турция никогда, как будто бы, не лишали Грузию и др. народы Кавказа их царей и их независимости. Таково и впечатление, оставляемое весьма интересными и поучительными статьями нашего авторитетного сотрудника З. Авалишвили. Это то, что касается истории прошлого Кавказа. Что касается нашей новой истории, то Россия, завоевав нас огнем и мечом вот уже около 150 лет,

как наложила на Кавказ свою руку, превратив наши царства, ханства, шамхальства и независимые горские народности в простые русские губернии, да еще с ограничением прав коренного населения у себя дома. За это время народы Кавказа никаких столкновений ни с Персией, ни с Турцией, не имели, если не считать провокации, вызванной большевиками Брест-Литовским договором.

Если Кавказу к этому последнему моменту не удалось встать на собственные ноги, создать обстановку, которая бы показала Турции, что Кавказ — это уже не Россия, то за это вся вина падает на нас самих, в особенности на вождей Грузии, которых революционные волны вынесли на поверхность жизни Закавказья. Трагедия заключается в том, что это были партизаны российской революционной социалистической демократии, благодаря этому и декларация о независимости, прокламированная устами этих вождей не встретила особого доверия в соседних странах.

Можно смело утверждать, что судьбы Кавказа сложились бы иначе, если бы в Тифлисе власть очутилась в руках подлинных грузинских патриотов-националистов.

Роскошь социалистической власти не легко себе позволяют даже старые страны с опытом и вековыми государственными традициями и неизменно за это расплачиваются тяжкими жертвами...

В настоящее время, в момент организации освободительной борьбы за нашу независимость от оккупировавшего нашу страну Севера, голос здравого смысла нам повели-

тельно диктует принять Кавказ таким, каков он есть. Совершенно ясно, что ни с турками, ни с персами нам спорить не о чем. Не они оккупируют Кавказ и не в их власти дать нам свободу. В понимании этого положения кавказцы более или менее единодушны. Особняком от этой общекавказской позиции стоят до сих пор влиятельные армянские круги, продолжающие враждебную политику в отношении Юга и вследствие этого логически вынужденные иногда даже вопреки собственному влечению, ориентироваться на Россию.

По заявлению г. Джамалиана, одного из ответственных армянских деятелей, армяне не против конфедерации и независимости Кавказа. Они легко якобы могут отказаться и от российской ориентации, но при условии, если кавказские народы, объявляя врагом своей независимости Россию, признают таким же врагом Турцию. Исходя из того положения, что мы вообще не собираемся воевать с Россией и готовимся к тому моменту, когда советский режим падет в результате или внешнего военного столкновения или внутренней новой революции, г. Джамалиан утверждает, что те же факторы будто бы угрожают и режиму Ататурка и предлагает занять в отношении Турции ту же враждебно выжидательную позицию, которую мы занимаем в отношении СССР.

Само собой разумеется, что государственные режимы не вечны. История всех стран достаточно об этом нам свидетельствует. Но есть объективные данные, позволяющие судить о жизни разных народов. Общепринято думать, например, что Англия страна устойчивого парламентаризма, что большевизм в Англии не может привиться и мы действительно верим, что по крайней мере за наш век большевизма в Англии не будет. Так же общепринято думать, что советский режим

должен пасть и мы верим, что это случится на наших глазах. Точно так же все объективные наблюдатели в один голос свидетельствуют о твердости устойчивости современного режима Турции и едва ли можно, сохраняя хотя бы минимальную объективность сравнивать режим Турции и режим советов. Так различны эти вещи. В то время, как под большевицким гнетом в нищете вымирают народы СССР, продолжающего традиционную империалистическую политику захватов, Мустафа Кемаль создал новый народ, применяя к жизни страны лучшие достижения культурного запада. В то время, как советский режим является очагом мирового пожара (пример Испании), Турция Ататурка признается в мировом концерте фактором мира. Доказательством этого является вся последовательно проводимая Турцией внешняя политика. Г. Джамалиан не может не звать о последнем восстании вензеллистов в Греции и о роли сыгранной в этом случае Турцией. Болгария, как известно, намеревалась воспользоваться внутренними греческими беспорядками, чтобы захватить часть греческой территории, присоединенную к ней в результате мировой войны. Таким образом не трудно понять, что пожар на Балканах мог снова разгореться. Да и сам Мустафа Кемаль мог воспользоваться греческими событиями: есть ведь старые счеты и между Турцией и Грецией. Вместо этого Мустафа Кемаль, как известно, в 2 часа двинул войска к болгарской границе, и ему удалось сохранить мир на Балканах, а может быть и во всей Европе. Европа в лице Лиге Наций была весьма благодарна Турции.

Г. Джамалиану и его друзьям надо же, наконец, понять, что мы имеем дело не с Турцией Абдул-Гамида. К оценке нынешней Турции нельзя подходить с чувством исторической ненависти. Армянский опыт достаточно

поучителен, чтобы убедить всех и прежде всего самих армян, что политика, руководимая чувством всегда приводит к поражениям, если не к гибели.

Остатки армян живут еще в Турции и в полной безопасности. Взаимоотношения их с турками налаживаются с каждым днем все более и более. Об этом свидетельствует и декларация стамбульского армянского патриарха, опубликованная по случаю спора об Александреттском Санджаке. Объявляя эту Турцию врагом, г. Джамалиану и всей партии дашнаков следовало бы подумать о тамошних их братьях.

Что касается Кавказа, то г. Джамалиан не может не понимать, что от идеи независимости Кавказа практически пришлось бы вовсе отказаться, если бы мы приняли его позицию вражды и к Северу, и к Югу.

Кавказу нужно освободиться от Севера и без помощи сочувствующих нам стран проблема независимости Кавказа была бы утопией. В числе этих сочувствующих Кавказу стран Турция и Иран должны быть на первом месте. До тех пор, пока мы не обеспечим себе этой сочувственной нам позиции со стороны Турции и Ирана, помощь, хотя бы и нескольких великих держав, не будет для Кавказа реальной и кто искренно желает независимости Кавказа, тот должен искренно добиваться дружбы с Турцией и Ираном. Такова наша география. В ней мы ничего изменить не можем.

С другой стороны во имя чего объявлять нам Юг врагом Кавказа? — вопрос, ради которого я знакомился с историей армянского вопроса в Турции и сведения о которой я дал в предыдущих статьях. Сведения эти, которые читатель наверное еще помнит, позволяют со спокойной совестью констатировать, что турецкие армяне, бывшие в рассеянии от границ Кавказа и до Палестины, Заиорданья,

Египта и др. провинций, о которых наверное не всякий даже кавказец слышал — были для Кавказа совершенно чуждыми, а может быть и вовсе неизвестными. Наконец их уже и нет, а кто уцелел, то рассеяны по всему старому и новому свету.

Чем же может облегчить их участь политика мести, проповедуемая Джамалианом?

На предложение г. Джамалиана в наших отношениях с Турцией руководствоваться чувством мести за турецких армян и объявить Турцию врагом Кавказа мы честно и единодушно отвечаем: нет.

Арменией мы считаем, по примеру самих турецких армян, кавказскую Армению. Она является неотъемлемой частью Кавказа. Кавказ ей принадлежит, как и всем нам, и по отношению к ней мы всегда выполним наш долг.

*

**

Второе условие г. Джамалиана связано с территориальными притязаниями. По заявлению его в Азербайджане и в Грузии есть территории, населенные сплошь или в большинстве армянами. «Коль скоро мы братья — говорит Джамалиан — грузины и азербайджанцы должны были бы уступить Армении, имеющей всего лишь 36.000 кв. километров эти сравнительно небольшие клочки».

Что думают по этому поводу парижские грузины и азербайджанцы мне неизвестно, вернее всего ничего не думают. Вопрос этот относится к категории таких проблем, которые решаются на местах суверенными народами. Мы же полагаем, что в Кавказской конфедерации так, как мы ее себе представляем, вопрос о внутрикавказских границах потеряет всякое значение и эти границы примут характер административного деления страны. Именно потому, что армяне являются наиболее малоземельным народом на Кавказе, ни-

кто в создании конфедерации так не заинтересован как они; конфедерация их устроит уже тем, что вся территория Кавказа будет для них и для их инициативы открыта.

Но, как оказывается, обсуждение территориальных притязаний армян не ограничивается его академической постановкой в кавказской аудитории в Париже. Армянские деятели в Париже в лице того же Джамалиана и г. Чобаниана пытались реально осуществить армянские вождедения на Кавказе. Об этом нам поведал наш постоянный сотрудник г. Дагестани в своей замечательной статье в последнем номере «Кавказа». Я вынужден в нескольких словах остановиться на этой статье. Меня она окончательно убеждает в справедливости того, что я высказал в предыдущих статьях, а именно, что армянские социалистические партии всегда были национальными и в своих политических стремлениях находили возможным одновременно сотрудничать как с российскими социалистическими партиями, так равно и с российским царским правительством. Теперь, оказывается, они пытались перебросить мост и к советской власти. Г. Дагестани знакомит нас с докладом секретаря армянской компартии Амадуни, который утверждает, что дашнаки были «агентами русского царизма и международного империализма». Речь, очевидно, идет о той роли, которую дашнаки играли на протяжении нескольких десятилетий и в период великой войны в Турции и о которой мы рассказали в предыдущих статьях. Тот же Амадуни утверждает, что из Парижа приезжал в Эривань известный армянский деятель и поэт Чобаниан, ведший переговоры с Ханджианом и между прочим сообщивший от имени г. Джамалиана, что «партия Дашнакцутюн стоит на позиции *только (Т. Е.)* идейной борьбы с советской властью».

Данная г. Дагестани документация произ-

водит впечатление, что, дашнаки в общем почти довольны политикой советского армянского правительства, которая по мнению г. Чобаниана вызвала бы еще больше сочувствия и одобрения, если бы добились в Москве пересмотра границ закавказских республик в пользу Армении.

Если сопоставить эти сведения из доклада Амадуни, приведенного г. Дагестани, с тем, что излагал нам г. Джамалиан, как условия сотрудничества армян с другими кавказскими народами, то вероятность таких сношений с правительством советской Армении становится весьма возможной.

Но если верно все то, что на основании исключительно советских источников поведал нам г. Дагестани, то приходится констатировать еще одну неудачу дашнаков осуществить программу маленьких вождедений (в рамках Закавказья) с помощью все той же России, хотя и красной. Факт особенно печальный. Трагизм этой «дипломатической» работы заключается в том, что она делалась за спиной и против армянских соседей. В который раз приходится нам, искренно болеющим душой за армян, осудить методы, практиковавшиеся до сих пор дашнаками и приведшие к гибели армянский народ! Печальные результаты этой политики, казалось бы, давно должны были заставить их подумать о перемене старой тактики.

И вот, оказывается, что нет: дашнаки продолжают идти старой дорогой. Доклад Амадуни, об этом красноречиво свидетельствует. И это дело то же, как и все прежние дела дашнаков, сорвалось. Нет, без решительного отказа от политики вражды к соседям, без отказа от стремления *использовать в чисто армянских эгоистических целях* враждебные Кавказу стихии, едва ли армянам удастся разрешить свою проблему.

Не к Сазоновым и Ворошиловым через на-

ни головы должны быть обращены взоры т.е. Чобаняна и Джамалиана, а на нас и только на нас, на народы Кавказа! Только опираясь на наше братство, армяне смогут спасти, сохранить и укрепить колыбель армянской нации!

О враждебности к Турции бессмысленно говорить. Россия за армян мстить не станет ни теперь, ни в будущем, сколько бы армяне на нее не ориентировались. А если бы Россия и вздумала идти на Стамбул, то не нужно забывать, что в мире найдутся еще новые Биконсфильды и когда понадобится они могут опять стать стеной у берегов Босфора. Мы зовем кавказских армян отказаться от политики мести за их заморских братьев. Вернуться к себе на Кавказ и вместе с другими кавказскими народами добиваться для Кавказа и для армян того, что реально возможно, а именно освобождения Кавказа и его независимость. Такая позиция армян, которая внушила бы доверие соседям, несомненно открыла бы новые горизонты, новые перспективы для любовного разрешения многих жизненных для армян и для всего Кавказа вопросов.

*
**

Мы не можем обойти молчанием третьего вопроса, возбужденного г. Джамалианом и который неоднократно ставился мне ребром многими армянами. «Будем ли мы защищать границы Кавказской Конфедерации как на Севере, так и на Юге?». Очевидно, армяне

продолжают больше верить России, беспримерно их обманувшей, чем народам Кавказа. Между тем оснований для такого недоверия нет ни в прошлом, ни в настоящем нашей истории. Вся же политика дашнаков дает куда больше поводов для всякого рода сомнений и тем не менее вот уже сколько лет не армяне зовут нас в конфедерацию, а мы не устаем звать их создать с нами общий дом. Это обстоятельство очень важное и его нужно помнить. Кавказскую Конфедерацию, в которую мы зовем армян, мы мыслим, как государство и само собой разумеется, как таковое, конфедерация будет иметь границы и на Севере и на Юге. Если бы конфедерация подверглась нападению с Севера и в защите северных границ горцы были бы предоставлены сами себе, то это не было бы конфедерацией. Равным образом, если бы Турция или Персия, которых мы считаем в нашей борьбе за освобождение нашими естественными союзниками и которым не мало досталось от того же Севера, вдруг напали бы на конфедерацию, мы с такой же энергией будем защищать наши границы и на Юге, как и на Севере.

В рамках журнальной статьи армянский вопрос достаточно исчерпан. Со строгой объективностью мы старались разобраться в армянских притязаниях, доложенных нам г. Джамалианом. Мы не оставили никаких недоговоренностей. Наша позиция ясна и определена. Двери к сотрудничеству кавказских армян с нами открыты.

Тамбий Елекхоти.

Из февральских заметок

Большое удовлетворение для журналиста — убедиться на протяжении небольшого срока, что все предвидения и выводы, которые приходилось высказывать, почти с полной точностью оправдываются и осуществляются. Один из самых умных русских писателей — сатирик Салтыков-Щедрин, всегда немного рисовавшийся своим крайним скептицизмом (в сущности он скептиком не был), любил повторять парадоксальный афоризм: «Только логика творит чудеса». Журналисту, которому в своих предсказаниях приходится руководствоваться здравой логикой, приятно отметить впоследствии, что «чудо совершилось»: он угадал, его предвидения правильны, события складываются именно так, как он думал и предсказывал, читатель будет чувствовать невольное доверие и к дальнейшим его пророчествам.

В этом отношении нашему журналу есть, чем похвастать. Давно уже «Кавказ» говорил о «сумерках Лиги Наций», о «новых путях» политической жизни, о дипломатических поражениях парламентаризма, о «горьких плодах» франко-советского пакта и о многом другом в том же направлении идей. На коротком протяжении истекших трех лет с основания журнала действительность все это блестяще оправдала фактами и продолжает оправдывать каждый месяц, каждый день.

В частности — в области тех вопросов, которые лично мне приходилось поднимать и искать на них ответа — также очень многое уже оправдалось и подтвердилось жизнью. Когда в номере от последнего сентября в статье «Расстрелы и танцы» я говорил о судебном процессе 16-ти «троцкистов» в Москве, с пол-

ным убеждением поставил я фразу: «Вслед за Каменевым и Зиновьевым пеминуемо должны пойти в тираж и Радеки, и Бухарины, и может быть даже сам Димитров». Немного прошло с тех пор времени — Радек уже осужден, Бухарин арестован, Димитров в опале.

События подтверждают, мне кажется, и полную справедливость тех оценок и того анализа, что проводились мною в ряде статей под общей рубрикой «Великий всероссийский обман». В Советском Союзе и сплетаются, и борются два основных течения, две силы — естественной национальной революции, как великорусской, так и других народов, и связанных им задач Коммунистического Интернационала. Сталин довольно удачно пока что лавирует между обоими течениями, — я бы даже сказал: он искренно отдается и тому и другому течению, почему я и назвал его человеком «с двух головах». Едва ли только удастся нам увидеть, какая из этих двух голов в конце концов восторжествует. Сталин, очевидно, сам «так или иначе» кончится раньше.

Об этом я уже вскользь говорил, — вероятно придется говорить и еще в связи с текущими российскими событиями, когда надо будет на них остановиться подробнее.

**

— Что вас больше всего поразило в советской России? — спросил я одного знакомого иностранца, в конце нынешнего лета побывавшего там и, между прочим, посетившего также и Закавказье.

— Вопиющее неравенство, — ответил он: нигде, ни в какой стране мира нет такого

постоянного общения между собой людей, тратящих очень много даже на нашу оценку, платящих всякие цены и совершенных лиц, в отряпах и без обуви. В Китае есть такие богачи, каких в стране советов, конечно, нет, и есть босоногие, голодные оборванцы, но это два разных класса, два чуждых друг другу положения, два противоположных полюса, а советское бесклассовое общество тем и удивительно, что в нем эти люди смешаны, поставлены рядом, чем особенно подчеркивается их имущественное неравенство.

— И вы не заметили угрожающей зависти бедняков?

Иностранец улыбнулся.

— Они так несчастны, что им не до угроз. А впрочем — и завидовать нечему. Эти состоятельные люди, эти советские богачи — сами не очень счастливы, это счастливыцы только сегодняшнего дня, они забываются в разгуле, но непрестанно трепещут. Завтра у них, может быть, отберут все, а самих отправят в дальнюю ссылку или даже расстреляют. Самое обыкновенное дело.

Действительно — судьба Радека и прочих сановников тому порукой: дело самое обыкновенное. Счастливая страна трудящихся...

*
**

Мне довелось видеть также фотографические снимки, сделанные одним из участников этой самой поездки «интуристов».

И мое внимание привлекли роскошно сервированные столы, как их вообще не было принято сервировать в России, а по образцам европейским, вернее английским — богатых домов, роскошных пароходов, палас-отелей.

Скатерти нет, а под каждым прибором ажурная салфетка, большие вазы с цветами и фруктами — лилии, хризантемы, декоративные растения, ананасы, бананы... Рабское

подражание самым «капиталистическим» из капиталистических стран, самым верхам «гниющей буржуазии».

Оказывается, семьдесят человек, обслуживавших эту партию туристов, не только всякие проводники и гиды, но и повара, лакеи, горничные — так и ездили с ними всюду, составляя, так сказать, придворный штат этих «знатных иностранцев». Кормили так, что до сих пор мой собеседник вспоминает со смачной улыбкой то количество зернистой икры, жирных рыб и дичи, которое пришлось поглотить за несколько недель поездки.

Так пресмыкаются «предержащие власти» страны трудящихся перед праздными «вампирами» капитализма.

И снимки эти не только не запрещалось делать и вывозить, а наоборот — всяческие облегчения: ведь какая это реклама благоденствия.

А вот вернувшемуся из России секретарю синдикатов северо-французских шахт Клеберу Леге руководимая коммунистами национальная федерация запретила прочесть приготовленный им доклад о положении рабочих в стране советов.

Великий всероссийский обман!..

*
**

Еще одно наше предвидение, которое уже осуществляется. В своей статье «Кавказа» от прошлого апреля, т.-е. еще до испанской гражданской войны, я писал: «Сейчас указывают на Испанию, как на страну самую ненадежную в смысле коммунистической заразы, — возможно, что стране придется пережить несколько мгновений очень тревожных, но есть все основания думать, что в старой Испании, как в испанских республиках Южной Америки, дело кончится военной диктатурой и полным запрещением субсидируемого Москвой коммунизма».

Тогда еще прославленные теперь имена генералов Франко, Мола, Кейно де Лано и др. были никому неведомы, но непреложная «логика фактов, творящая чудеса» подсказывала такой именно вывод из обострившейся борьбы двух течений — национального и так называемых «свобод» народного фронта, ведущего прямым путем к торжеству III Интернационала.

Испания, хотя и отставшая за последнее время в своем социальном развитии — это страна старой вековой культуры, бывшего религиозного напряжения и бурного темперамента, — она тяжело переживает события, но, как здоровый, жизнеспособный организм, дает очень высокую температуру в момент болезненного кризиса, и тем вернее осилит миазмы занесенного в страну чужого недуга.

Кстати — куда же девались советские парашюты? Ведь еще так недавно военные авторитеты России прославляли их боевое значение и на маневрах старались удивить иностранных экспертов мужественными спусками в тылу неприятельской армии. Казалось бы, именно условия войны полу-партизанской, как сейчас в Испании, могли дать широкое применение этому роду оружия. Где же парашютисты?

Были, попробовали. Советские аэропланы вначале тем и узнавались, что от них отделялась летевшая внизу фигурка под зонтиком. Но от этого пришлось тотчас же отказаться, потому что в настоящей войне ни одна из этих фигурок не долетала даже до земли, — подстреливали. И веселый генерал Варела, один из лучших военачальников национальной Испании, прошедший суровую марокканскую школу, оказывается, много хохотал над этими московскими опытами.

Это тоже из великих советских достижений — великий всероссийский обман.

*
**

Но не во всем надо сблизать это слово, это понятие мишуры и обмана непременно с эпитетом «российский».

Сейчас, в начале нового года, в его январьские и февральские дни, во всех культурных странах вспоминают и даже чествуют большого русского писателя ввиду столетней давности его трагической смерти — Александра Сергеевича Пушкина.

Можно как угодно расценивать в ее историческом аспекте русскую оккупацию Кавказа, — не мне защищать «оккупантов». В целом ряде статей («Кавказ и Россия») у нас в журнале я как раз говорил о том, какою дорогой ценой заплатил наш благословенный край за свое приобщение к России, и как во многом было тлетворно русское влияние. Вполне понимаю тех кавказцев, которые держатся мнения, что лучше, пожалуй, было бы для Кавказа идти иными историческими путями, уже проторенными в Азию.

Это не мешает тем не менее, в качестве равноправного соседа, отдать должное выдающимся представителям русского искусства, русской литературы, занявшей видное место в семье культурных народов. К тому же Кавказ в особенности привлекал и чаровал русских писателей, и если они обязаны ему порою очень яркими вдохновениями, то и он глубоко отразился во многих из их лучших произведений.

Пушкин, Лермонтов, Толстой, Гринева, Полежаев, Бестужев-Марлинский, позднее Ян. Полонский и Вас. Величко оставили целый большой многотомный альбом кавказских поэм, очерков, повестей и лирических стихо-

творений. Интересно было бы какнибудь внимательно его пересмотреть.

Но, принадлежащий всему человечеству действительно гениальный русский «африканец» Пушкин¹⁾, одинаково чувствовавший какой-то вдохновенной интуицией солнечную красоту и темперамент Испании, и суровую строгость шотландского пуританизма, земную ясность античного мира и туманные прозрения рыцарства, — он, конечно, не мог не вдохновиться Кавказом и посвятил ему многие замечательные строки.

Один из лучших образцов всей русской поэтической лирики навеян Пушкину Арагвой:

«На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною...»

Он стоял над нею со своей «светлой печалью», на том самом берегу, где потом стоял «скрестивши руки» грузинский поэт Илья Чавчавадзе, говоривший той же Арагве:

«Тебя люблю я, верный сын,
Как мать, вскормившую грузин...»

Пушкин постоянно возвращался мыслью к Кавказу, видения и кавказские воспоминания

¹⁾ Как известно, со стороны матери он был правнуком негра Ганнибала — «арапа Петра Великого», и африканская кровь характерно отразилась в его внешнем облике. В стихотворном «Послании Юрьеву» он так себя и называет — «потомок негров безобразный».

проходят по всем годам его поэтического творчества:

«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной —
Напоминают мне оне
Иную жизнь и берег дальней...»

«Монастырь на Казбеке», «Нет, не черкешенка она», и целый ряд других лирических пьес и отрывков. Даже в «Путешествии Онегина» вспоминает он северный Кавказ и со своей изумительной точностью определений видит перед мысленным взором «Бешту остроконечный» и «зеленеющий Машук»,

А «Обвал», а «Кавказ подо мною...» — всего не перечислишь. В «Кавказском пленнике», в «Путешествии в Арзрум» сколько вдохновения посвящено Кавказу — его природе, быту, преданиям, тому духу, который веет в его горах и долинах.

Пушкин, этот неудавшийся декабрист и еще менее удавшийся камер-юнкер, как великий поэт, в значительной мере принадлежит Кавказу, хотя и писал по русски. Но как Данте, и Гете, и Шекспир, как Анакреон, Гораций, Омар-Хайям, Шота Руставели, — Пушкин еще более принадлежит всему человечеству — его прошлому, настоящему и будущему. Он — вне эпохи и вне территории.

В. Оленин.

В поисках доктрины

Так как заблудиться, это — сойти с верной дороги, то освободиться от заблуждения можно лишь при условии возврата на старый правильный путь. Практичнее следовательно, не бросаться влево и вправо в поисках, какого-то, неведомого выхода и не идти упрямо в, оказавшемся, неверным, направлении, а обернуться назад, вспомнить пройденный уже путь и постараться определить момент и место с которого человечество свернуло в сторону.

Нельзя допустить, чтобы в мире, где все подчинено определенной системе, законности и порядку, центр цивилизации перемещался случайно, бессистемно, а очагом ее становилась безразлично какая — нация. *Цивилизации*, это неугасаемое, вечное пламя; это огонь возженный впервые Прометеем, это — культурный процесс, который, достигнув известной высоты, не может остановиться, только потому, что нация его представлявшая достигла своего предельного возраста, выродилась или просто, почему либо, оказалась неспособной к выполнению выпавшей на нее роли. Человек — не есть еще: *семья, род, племя и нация*. У цивилизации есть свое генеалогическое дерево, где место главы семьи занимает нация и где отрезок времени между датами смены глав — равен десятилетиям, тогда как перемещение центра цивилизации от одной нации к другой происходит через ряд веков.

Нация, это организм, элементом которого является каждый отдельный представитель ее, клеточкой же которого или молекулой — семья. Разница между видимым, осязаемым,

живым организмом и нацией та, что первый представляет из себя определенное, компактное тело, в котором все клеточки и атомы сцеплены между собою, во втором же индивидуумы его составляющие — самостоятельны, никакую видимую, силой не связаны. Как тела, нации бывают в состоянии: твердом (Германия, Португалия, Италия, Япония наших дней), жидком (Франция, Англия, Чехословакия, Испания и др., и газообразном (Россия, Америка, Китай). Нация в твердом состоянии, с правильно функционирующими органами, есть — *Совершенное Государство*. Государство, кроме того, совершенно, если оно сформировалось естественно, в результате осуществившегося стремления народа слиться в один организм, т.-е. принять естественную и конечную форму общезнания. Государство — несовершенно, когда оно навязано извне, когда оно создано искусственно, насильем, в результате вмешательства и действия посторонней, чужой силы (империи: Александра Македонского, Наполеона), Екатерины II или Франца-Иосифа — все одного порядка). Государство — нация сильно и находится в «расцвете сил своих» лишь тогда, когда происходит, через взаимоприятие членов его, окончательное сцепление их в целое. *Любовь к родине и ненависть к врагам ее*, это, то положительное и отрицательное электричество, которым должен быть заряжен всякий, достойный сын своей Родины. *Любовь к Родине*, это, та, необходимая, молекулярная сила *нации*, которая одна лишь способна поддерживать ее в состоянии *патриотизма* — соответствующем намагниченности тел. Всякое иное состояние, подобно размагниченности молекул приводит к распылению и к развалу.

1) См. «Кавказ» №№ 10/34 и 1/37.

Ни человек, ни государство — не вечны: они рождаются, растут, стареют и умирают, а так как цивилизация вечна, то попечение о ней, как забота о сохранении, неугасаемым, пламени в очаге басков; подобно престолу в традиционной монархии, милостью Творца, наследственно переходит к той нации, которая к моменту передачи сформировалась в *Совершенное Государство* и находится в «расцвете сил своих».

Положение Франции в XV веке, providенциальное появление Орлеанской Девы, выставившей своим лозунгом: «*Быть независимыми от чужеземцев и иметь среди себя своего верховного главу*», победой над англичанами и коронованием в Реймсе, лозунг этот осуществившей и образование, вслед за этим, французской нации — указывают на то, что именно Франции, а не какой либо другой нации, была вручена, свыше, миссия служить очагом, а столице ее Парижу — быть центром цивилизации. Триста лет, могущие считаться золотой эрой Франции, роль эта ею с честью и достойно выполнялась. К великому несчастью человечества, допустив у себя революцию 1789 года, задачи своей она не довела до конца. Изменив своим традициям, порывая с прошлым, она, вначале увлеклась Америкой и занесенными оттуда, вместе с золотом и филлоксерой, идеями, приведшими Европу к экономическому кризису, а потом соблазилась и Россией — являющейся единственным источником кризиса морального. Сблизившись же с этой последней (первый раз в 1892 году и вторично в 1936 году) Франция не только добровольно отказалась от своей роли, но и перешла определенно на сторону врагов и разрушителей цивилизации.

Гордась своим наследием от Рима и Греции,

Европа не поняла, что сами то римляне, а до них греки, переняли все от Востока и, что истинный источник света был скрыт от них, так же, как был скрыт он и позже Россией.

Сто пятьдесят лет заблуждений привели Европу к хаосу и путанице; ныне цивилизация никем не представлена, правда, для роли этой имеется несколько кандидатов: Муссолини, Салазар, Гитлер, совсем недавно Дегрель, думая, что делают открытия, фактически пытаются ввести жизнь своих наций в их прежнюю колею, т.-е. в условия, нарушенные последствиями открытия Америки и Французской Революцией.

То там, то здесь производятся опыты с корпоративным устройством государства, а мы — наследники секретов волшебницы Цирцеи и чародейки Медузы, мы потомки волхвов, мы научившие Европу ремеслу¹⁾ сами разрушили свои Амкарн (ремесленные цехи в Грузии существовали несколько тысячелетий) и теперь, не только хладнокровно наблюдаем как Европа силится создать государственное устройство по образу и подобию нашего существовавшего тысячелетия, а все еще культивируем зло и болезнь взаимной вражды, занесенные и привитые нам, с определенной целью, Россией.

(Продолжение следует)

В. Цицишвили (Вахтанг Карелели).

¹⁾ «...Ces bijoux, d'abord objets de cadeaux entre souverains, joyaux d'une corbeille de mariage offerte à quelque princesse par un roi géorgien, don fait à quelque église, servirent d'échantillons utiles qu'on s'efforça de reproduire ou qu'on voulut surpasser». — Laborte, Histoire des arts industriels. Ограничиваюсь пока, только этой цитатой, в дальнейшем приведу целый ряд. — В. Ц.

Обзор печати

ВОКРУГ АЛЕКСАНДРЕТТЫ

В истамбульской газете «Репюблик» (французском издании официозной «Джумхуриет») в номере от 19 января появилась очень знаменательная статья выдающегося турецкого публициста *Юнус Нади*, главного редактора «Джумхуриет», который обличает деятельность колониальных французских агентов и их связь с партией «Дашнакцутюн», как всегда, только вредящей действительным интересам армянского населения, несколько не враждебного Турции. Приводим главные места этой интересной статьи:

«Колониальные французские агенты специально пригласили в Сирию нескольких представителей центрального парижского комитета дашнаков, чтобы оказать всяческое давление на армян санджака, которые вместе с турками не хотели участвовать в выборах. А ведь известно, в чем выражается дашнакская дисциплина: «Смерть тому, кто не исполнит наших приказаний!».

В глазах французских колониальных властей армяне — это то пушечное мясо, которое можно противопоставить туркам, — вот почему их расселяют вблизи турко-сирийской границы. Но мы, со своей стороны, хорошо отдаем себе отчет, в таких махинациях, — армянское население тут само по себе совершенно не причем, и пусть турки санджака относятся к армянам, как к братьям. Но и армяне должны в ответ окончательно освободиться от губельного влияния дашнакского комитета, который был для них постоянным несчастьем. Только этим путем взаимного доверия можем мы парализовать всякую провокацию.

Если турки займут санджак, они прежде всего изгонят всех армян, — такова основная провокационная пропаганда, распространяемая по всей Сирии. Но, прежде всего, мы не собираемся присоединять санджак к Турции. Мы только хотим для него такого административного режима, который исходил бы из принципа турецкого большинства. Почему тронем мы армян, мирно занимающихся своими делами?

Армянский вопрос в санджаке, в сущности, искусственно поднят французскими властями, которым пришлось даже с этой целью выписать в помощь своим интригам представителей центрального комитета дашнаков в Париже, так как без их воздействия и угроз сказались бы действительные настроения сирийских армян.

Интриги эти касаются также и черкесов, и курдов, и арабов. Подкупаются все преступные элементы этих народностей, чтобы бросить их против турок. Но ведь черкесы — это тюркское племя, и они, как внутри, так и вне Турции, всем сердцем привязаны к своим братьям. Равно также следует ждать самых дружественных и даже братских чувств со стороны арабов, и то зрелище борьбы и разобщения, которое хотят нам представить, целиком создано колониальными провокаторами.

Цель арабов — стать полными хозяевами своей страны, и мы искренно им желаем добиться этой полной независимости. В противовес разобщающей политике колониальных властей турки хотят, чтобы все их соседи жили в совершенном взаимном согласии.

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ АЛЬФРЕДУ РОЗЕНБЕРГУ

В итальянском журнале «Корriere Дипломатико e Консольаре» напечатан за подписью Эприко Инсабато (чью интересную статью мы помещаем в этом же номере «Кавказа») знаменательный «вопросник», предлагающий одному из главных руководителей восточной политики Германии разъяснить некоторые пункты его программы:

«Г. Альфред Розенберг, который, благодаря своей проницательности, стал одним из главных авторов идеологии национал-социализма, сказал недавно в одном интервью:

«Мы не желаем войны с СССР. Пусть русские управляются как хотят. Но мы не разрешим Коминтерну вести свою разрушительную работу в Европе, навязывая свои варварские принципы. У нас коммунизм побежден окончательно. Но мы не только немцы, мы — европейцы. Потому то мы выступаем против разрушительной работы Москвы».

Вполне согласны с этими взглядами! — восклицает г. Инсабато.

Италия, как известно, была не последней среди государств, поднявших флаг антибольшевизма и разумеется не первая его свернет. Но если для Германии борьба с Коминтерном может оказаться не только самозащитой, но и осуществлением конструктивного плана расширения своего влияния на востоке Европы, то для других народов средне- и восточно-европейских, очень важным является не только вопрос борьбы с большевицкой идеологией, но и вопрос судьбы территорий, составляющих СССР.

Если бы большевизм не имел на этой территории своей прочной основы и не исполнял приказаний Москвы, пользуясь ее секретными фондами, он бы наверное не имел также того успеха и поддержки всех сочувствующих.

И вот возникает вопрос, который до некоторой степени, волнует другие государства, особенно те, что являются соседями Советского Союза (как, например, Персия, Польша и Япония).

СССР, превращенный в империю с новой идеологией, националистической или расистской, перестал бы разве быть опасным?

Разве и в Германии не было ли тысячи раз повторено, что большевизм является только новой маской старого царского панславизма?

Разве во время недавних манифестаций в Москве, вызванных объявлением новой конституции, не развевались, впервые, рядом красные флаги и старые национальные флаги царской России?

Разве целью новой конституции не является более тесное и централистическое объединение Союза?

Разве французское масонство, еврейство и англиканская церковь не решили недавно окончательно помочь централистической и демократической эволюции Советского Союза, дабы он мог совместно с другими «демократиями» создать противовес блоку государств тоталитарных?

Разве те славянские страны, которые до этого времени отказывались признать советское правительство, продолжали бы игнорировать Россию, переодетую в демократический наряд?

Наконец, разве такие страны, как Финляндия, Польша, Румыния, Турция и т. д. смогут дать своей политике определенное направление, не зная, какая судьба ожидает все угнетенные народы СССР?

Г. Альфред Розенберг утверждает, что Германии нет дела до формы правительства, которую изберут русские, и что она не желает войны с СССР.

Ни в чем нельзя упрекнуть эту декларацию, если она относится только к России, к России этнографической, но необходимо получить ма-

ленькое разъяснение: является ли СССР — Россией? или скажем лучше — обнимает ли Россия весь Союз ССР?

Только ответ на эти вопросы сможет бросить луч света на возможный исход и результаты, подготовляемого еврейско-масонско-англиканским фронтом наступления.

«АРМЯНО-ГРУЗИНСКИЙ УНИОН»

«Брдзолис Хма». Прошел год как объявился «Армяно-Грузинский Унион» и за это время г.г. меньшевики только молчали, а то и поощряли своим молчанием создание вредного и ненужного сепаратного блока. Попутно их газета «Брдзолис Хма» дошла даже до такого плутовства, что стала обвинять «Кавказ» в создании «азербайджано-горского блока», в реальности, конечно, несуществующего.

Это было смешно. Теперь, недоговорившись с «Унионом» и, в особенности, с теми из членов «грузинского национального центра», которые приняли участие в создании этого «Униона» и прижатые к стенке «анкетным листом» самых унионистов, меньшевики вынуждены дать свой ответ.

«Брдзолис Хма», которую ничем не удивишь, пишет:

«Члены нашей редакции получили, за подписью г. Дата Вачнадзе, анкетные листы, в которых обещано, напечатать наши ответы в бюллетенях «Униона».

Не имея никакого желания сделаться сотрудниками этого бюллетеня, мы даем наш общий ответ в нашем же органе.

Грузинская социалдемократия была сначала же и остается и по сей день знаменосницей международной солидарности и сотрудничества.

Она сначала же стояла на почве сближения и объединения кавказских народов и так создавала центральную общекавказскую организацию.

Она вступала в борьбу рабочих, крестьян и вообще недовольных масс любой нации и шла с ними рука об руку.

Партия постоянно стояла и продолжает

стоять на почве кавказского единства, где бы не обретались эллины и иудеи (?!).

Партия всегда отрекалась и отрекается по сей день делать выбор среди соседей, сближаться с одними и отдалять от себя других, противопоставлять их друг другу и сеять меж ними смуту. После революции партия была активной зачинщицей в вопросе создания закавказской федерации, куда должен был вступить и Северный Кавказ.

В день крушения этой федерации, в силу исторических обстоятельств, партия выкинула знамя восстановления кавказского единства, провозгласив его формой конфедерации.

Партия горячо приветствовала брюссельский пакт, подписанный соответственными представителями трех республик, стоит на его платформе и защищает его.

Принимая во внимание такое прошлое нашей партии и оставаясь на той же платформе по сей день, мы поддерживаем сближение и дружбу кавказских народов и его представителей, кто бы они не были и где бы они не обретались, но решительно отвергаем всякую сепаратную организацию среди них, как политически вредную и организационно разрушительную для этого единства. В подобные сепаратные органы мы никогда не входили, не входим и будем всегда бороться с ними. Редакция «Брдзолис Хма».

На ту же тему «*Дамоукидебели Сакартвело*».

Изысканность полемиического стиля редакционных статей этого журнала известна — «вы изволили сказать, а мы, как изволите видеть, позволяем себе»... и т. д. Но в конечном счете и этот орган против сепаратного «Армяно-Грузинского Униона». Вспоминая переговоры 1925 года между представителями четырех кавказских народов и рассказывая довольно подробно об их печальном исходе, газета призывает армян бросить неудачный «Унион» и... поскорее договориться с авторами еще менее удачного «Брюссельского пакта».

«Мы считаем своей святой обязанностью, пишет «Дамоукидебели Сакартвело», братски и дружески призвать ответственных лиц Армении и политические организации, как и

совет кавказской конфедерации, возможно скорее взяться за конкретные переговоры для восстановления этого сотрудничества. время не ждет!».

Журнал не разъясняет только какие преимущества у фальшивого «Совета Кавказской Конфедерации» перед «Унионом»?

«Самшобло».

Самым неожиданным образом ополчился против «Униона» и «Самшобло», орган той самой группы национал-демократов, которая и потрудилась, главным образом, для создания армяно-грузинского блока. В чем суть этой забавной истории — мы не знаем. Но факт налицо.

Касаясь прежних грузино-армянских отношений, не всегда гладких, а порой даже агрессивных, «Самшобло» № 19-20 отмечает, как эти отношения стали смягчаться уже в эпоху независимости и как национал-демократическая партия всемерно желала сближения с армянским населением Грузии. После катастрофы всех кавказских республик, партия была сторонницей сближения со всем армянским народом, но на почве уже единства всего Кавказа. «Самшобло» и теперь отстаивает эту позицию. Но для создания подобного единения требует методов, которые облегчают это дело, а не затрудняют его.

«С этой стороны, говорит журнал, — нам не могут нравиться ни обращение «Армяно-Грузинского Униона», ни его бюллетень. Это выступление произвело отрицательное впечатление на азербайджанские, горские, грузинские и, думается, армянские круги тоже. На протяжении последних лет, настроения армянских политических кругов весьма приблизились к политической линии их соседей. Положение создавшееся в наших странах, как и множество значительных изменений во внешней обстановке, естественно, повлияли и на наши народы. Уже готова почва для соглашения об общей политической платформе и для координации всех активных сил Кавказа.

К сожалению, появление в такой момент

обращения «Армяно-Грузинского Униона» создало у многих впечатление об отходе армян и грузин от общей кавказской платформы и сепаратного их стояния».

Таким образом, по вопросу о том, как грузинская эмиграция относится к «Армяно-Грузинскому Униону», мы привели мнения трех грузинских органов, принадлежащих партиям и группам, которые составляют, так называемый «национальный центр». Это и есть те группы, которые, по крайней мере, до сих пор, тайно или явно, сочувствовали «Униону».

Чем обязаны мы этой волшебной перемене? Малодушию ли людей, изменивших своим друзьям или честному осознанию совершенной ошибки — не станем разбираться.

Нам во всяком случае приятно констатировать, что среди грузинской эмиграции, активно выступающей на политической арене, нет в настоящее время организованных группировок, выступающих с поднятым забралом в качестве сторонников сепаратных блоков среди кавказцев с сомнительными целями.

Объективные наблюдатели кавказской политической эмиграции признают, что наш журнал не мало способствовал рассеянию нездоровой атмосферы, созданной ложным шагом авторов «Армяно-Грузинского Униона».

КОГО ОБМАНЫВАЮТ ?

Как известно бывший член российской социал-демократической партии (большевик), бывший паниранист, бывший пантуралист Расул Заде в своем последнем варшавском перевоплощении подвизается на ролях кавказского патриота.

Его именно, как истинного представителя «кавказской идеологии» противопоставляют грузинские меньшевики таким панислаμισмам и тюркистам из «Кавказа», как ген.

Квинтадзе, проф. З. Авалишвили, кн. Амiredжиби и др.

В связи с новой своей ролью отставной лидер Мусавата счел необходимым произвести некоторые изменения в партийной программе. В минувшем августе в Варшаве собрался «конгресс» партии (об этом шутовском действии смотрите статью *Халила Хе Мамедли* в № 12/36 «Кавказа») и опубликовал *urbi et orbis* свою новую программу во всех «Прометеевских» изданиях, которые по системе «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку» не поскупились на дифирамбы г. Расул Задэ...

В особенности отличился маститый *Гаяз Исхаки*, посвятивший этому «планетарному событию» восторженно лирическую статью в «Яна Милли Юл». Отозвался о нем весьма одобрительно и журнал крымских националистов «Эмель Межмуаси». — Несколько сдержаннее отнесся к делу осторожный «Яш Туркестан», ограничившийся «по долгу службы», кратким хроникерским отчетом.

Кавказцы прочитали резолюции «конгресса» в русском переводе, «Идель Уральца» и крымчане в турецком оригинале... Каждый нашел, что ему было по вкусу и все были довольны... пока не отыскался какой то Фома Неверный, пораженный таким неожиданным хором славословий и не сличил турецкого и русского текстов резолюций... Операция оказалась плодотворной и поучительной.

Пусть, однако, сами читатели судят об ловкости рук мусаватских конгрессистов...

Возьмем для примера пункт 6-ой «тактических вопросов партии Мусават».

В русском тексте, помещенном в журнале «Северный Кавказ» (№ 28-29) этот пункт изложен так:

«Принимая во внимание культурные взаимоотношения и специфические условия в борьбе с российской экспансией, иметь тес-

ный целевой контакт со всеми тюрко-мусульманскими народами, поработенными Россией и в известных конкретных случаях иметь с ними общие выступления».

В турецком же тексте, напечатанном в официальном «Бюллетене» «дивана» (т.-е. Ц. К.) Мусавата, тот же пункт изложен следующим образом:

«Принимая во внимание культурные взаимоотношения и специфические условия в борьбе с общим врагом — российским империализмом, иметь тесный контакт (сыски тешрики месанб) с поработенными Россией турецкими и мусульманскими народами и во имя общих интересов (потребностей) иметь (с ними) общие выступления» (см. «Бюллетень» № 1).

Как видите, слова «целевой» (в применении к «контакту») и «в известных конкретных случаях», фигурирующие в русском тексте, совершенно отсутствуют в турецком тексте.

Комментируя приведенный выше 6-ой пункт, автор статьи в «Северном Кавказе», Али Мирза, пишет:

«...что партия «Мусават» не придает абсолютного значения обще-тюркской культуре, ставит выше ее интересов интересы Азербайджана и азербайджанской культуры, неразрывно связанные с интересами всего Кавказа и обще-кавказской культуры».

Пункт же 13-ый «тактических вопросов» говорит, что «Мусават» будет работать над «еще более сильным укреплением культурных связей поработенных турецких народов» (см. турецкий текст — «Бюллетень» № 1).

Любопытно также сопоставление текстов 4-го параграфа.

Нюансы, конечно, по нюансы не лишены интереса и весьма показательные.

Мы лично решительно ничего неудобного с точки зрения кавказской не находим и в турецком тексте и всячески приветствуем культурную связь Кавказа со всеми народами, нищими своего освобождения и будем рады

контактировать с ними свою деятельность...

Сказать об этом честно и прямолинейно, однако, г.г. Расул Заде и Ко не решаются — боясь, очевидно, раздражить не в меру туркофобствующих меньшевицких гусей — открыться открыто от своей тюрской психологии — не смеют, страшась своих тюранских со товарищей по «Прометеевскому Фронту». От-

сюда крапленые карты и два различных текста... Приемы эти признаться нас несколько не удивляют. Они совершенно в линии всей «Прометеевской» работы и фальшивого Брюссельского пакта...

Все же любопытно было бы знать, кого именно из своих партнеров г.г. мусаватисты обманывают?

Pro domo sua

В № 130 грузинского журнала «Дамоукидебели Сакартвело» г. Таусултан Шакман поместил открытое письмо (обращенное так сказать в пространство, без указания адреса), в котором в непристойно грубом тоне обрушивается на «Кавказ» вообще и на его редактора в частности.

По совести я думаю, что было бы гораздо лучше для Шакмана если бы «в виду особых, как он выражается, приемов полемики» журнала «Кавказ» и моих в частности, он от этой неравной полемики воздержался.

«Особые приемы» нашей полемики заключаются в том, что мы всегда говорим правду и одну только правду...

Г. Шакман вынуждает меня вернуться к неприятной для него теме. Это я делаю без великого удовольствия. Пусть же он пеняет на себя и на своих коварных покровителей, которые толкнули его на это необдуманное выступление, если он услышит еще несколько истин, которые ему вероятно никакого удовольствия не доставят.

Г. Шакман считает себя обиженным и оклеветанным мною потому, что в № 9/33 названного журнала, говоря о меморандуме, подан-

ном г. Чхецкели и др. председателю 17-ой сессии Лиги Наций, я счел необходимым отметить, что под этим документом поставлена «подпись лица ложно именующего себя бывш. членом Правительства Республики Северного Кавказа».

Щадя самолюбие г. Шакмана и не желая давать этому прискорбному факту большей огласки, чем нужно, я фамилию г. Шакмана в своей статье не назвал.

Но раз г. Шакман счел нужным печатно отозваться на мое замечание — я вынужден здесь полностью повторить и подтвердить мое обвинение.

Подпись г. Шакмана под вышеупомянутым документам поскольку он именуется себя бывш. членом Правительства Республики — фальшивая. Никогда он членом Правительства Республики Северного Кавказа не был и титул этот им присвоен без малейшего на то права.

Если у когонибудь была тень сомнения в справедливости моего утверждения — то после прочтения «открытого письма» г. Шакмана — она не могла не рассеяться. Ниже я

привожу текстуально фактическую справку и документальные данные о роли г. Шакмана. Но по существу в них никакой надобности нет. Трудно дать лучшее свидетельство абсолютной моей правоты, чем собственное письмо г. Шакмана.

Все это длинное, запутанное и... неискреннее письмо вращается исключительно вокруг событий, имевших место в 1917 году, то-есть до провозглашения независимости, и стремится искусственно поставить знак равенства между Центральным Комитетом Союза Объединенных Горцев (членом которого он не был) и Правительством Республики Северного Кавказа.

Г. Шакман говорят учился в университете и даже кончил юридический факультет. Он должен понимать, что Центральный Комитет мог быть чем угодно, но не был правительством не существовавшей еще тогда Республики Северного Кавказа.

Независимость Северного Кавказа была провозглашена 11 мая 1918 года. Только возникшее в результате этого исторического акта национальное правительство имеет право на титул Правительства Республики Северного Кавказа.

К этому правительству г. Шакман ни близко, ни далеко касательства никогда не имел. За все время его существования он ни разу не был в г. Темирханшуре, где находилось правительство, а был по ту сторону баррикады — в стане генерала Деникина.

На первом съезде горцев в мае 1917 года я не присутствовал — я находился тогда в Москве на Всероссийском мусульманском съезде в качестве делегата Дагестана и тифлисского мусульманского комитета. — Личных воспоминаний, относящихся к роли г. Шакмана в эту эпоху у меня нет. Поэтому я обратился к одному из авторитетных политических деятелей Северного Кавказа, бывш-

члену Национального Правительства, принимавшему участие на первом съезде, с просьбой дать нехватящие мне сведения. Вот полученный мною ответ.

СПРАВКА О Т. ШАКМАНЕ

5 марта 1917 года на квартире известного общественного деятеля Басьята Шахона собралась группа горских интеллигентов, живших во Владикавказе, с целью обсуждения позиции и тактики народов Северного Кавказа в связи с февральской революцией и государственным переворотом в России.

Было постановлено на этом собрании, под председательством Б. Шахона, инициатором которого был отнюдь не Шакман, а сам Басьят Шахон, Джантемир Шапаев и им подобные старые общественные деятели — созвать на 1 мая общегорский съезд для образования постоянного центрального комитета горцев, впредь же до созыва последнего образовать временный комитет в составе членов и кандидатов, в числе коих значится, действительно Т. Шакман (см. стр. 6-ую протоколов съездов, французское издание. Стамбул 1918 года).

Этот временный комитет просуществовав без малого два месяца, уступил место вновь избранному многочисленным (300 делегатов) съездом комитету, составленному из 15 членов и 25 к ним кандидатов, в числе последних значится Т. Шакман (стр. 106 тех же протоколов).

Этот Комитет был совершенно новым (а не расширенным старым), но отнюдь не был правительством, как утверждает Т. Шакман, так как независимость еще не была провозглашена.

Из протоколов явствует, что ни А. М. Чер-

моему и никому другому не было дано права кооптации новых членов, это было бы дико в эпоху полного народовластия на Северном Кавказе.

На первом же заседании центрального комитета было постановлено уполномочить Г. Баммату для сношений с закавказскими комитетами и другими соседями (о заграничных делегациях в эту пору еще не было и речи). Этот мандат Г. Баммату мог быть подписан председателем центрального комитета, а не 25-ым кандидатом Шакманом.

Под влиянием быстро развивавшихся событий согласно постановлению того же 1-го съезда 20 сентября 1917 года во Владикавказе был созван 2-ой съезд, образовавший новый исполнительный орган — Центральный Комитет, в который Г. Баммат вошел в качестве члена, а Т. Шакман опять в качестве кандидата (см. стр. 153).

Под влиянием анархии, разлившейся по всей России этот Ц. К. второго созыва, на основании полномочий, данных ему вторым съездом, 3 декабря 1917 года, стал фактически Терско-Дагестанским правительством, в которое Т. Шакман уж вовсе не вошел.

Это положение продолжалось до 11 мая 1918 года, дня провозглашения независимости Республики Северного Кавказа и формирования правительства под председательством Чермоева.

Ни в этом кабинете, ни в последующих, сформированных под председательством Копцева, состав коих в обычном порядке сообщался державам, Т. Шакман не значится.

Да и вообще Т. Шакман никогда в своей жизни не был в резиденции правительства, Темирханшуре.

Таким образом, вся деятельность Т. Шакмана зафиксирована два раза в кандидатских должностях и никакой иной деятельности или речей и иного рода выступлений в этот пе-

риод, означающий начало и конец его национальной работы (1917 г.), он не делал и следовательно в протоколах за ним не зафиксировано.

*
**

В жаркую пору борьбы с большевизмом и анархией, когда началась война между белыми и красными и когда стали возникать всякие отряды, З. Серебрякову удалось завладеть с маленьким отрядом г. Нальчиком, в октябре 1918 года.

Через два месяца, т.-е. в декабре, Т. Шакман примазавшись к отряду Серебрякова, отступил с ним на Кубань, где в это время обосновался ген. Деникин.

В начале января 1919 года Т. Шакман возвращается в составе деникинской армии в Нальчик, где деникинские власти предоставили ему должность по юридической части, которую он исполнял усердно несколько месяцев.

Надо добавить, что покидая Нальчик под напором наседавших то белых, то красных русских сил, почти все заметные горцы-националисты, как Карагай Шовгенов, Паго Докшукин, Темирбулат Абаев и др. отступили в Темирханшур, где находилось правительство Национальной Республики Северного Кавказа. К сожалению, Т. Шакман предпочел направиться в стан Деникина, где он и оставался включительно до марта месяца 1920 года, чтобы, наконец, отступить с разбитыми частями белой армии по военно-грузинской дороге в Тифлис, где, кстати сказать, грузинское меньшевицкое правительство не так цацкалось с горскими деятелями, приблудившимися в хвосте белого движения и белой армии.

Из Грузии Т. Шакман бежал в Стамбул, где питался найком из врангелевской организации беженцев (в беженский комитет

Об этом дает интересные сведения азербайджанский писатель М. Рафили.

Как известно, Абас Кули ага, автор истории Кавказа, был сыном изгнанного русскими завоевателями бакинского хана Мирза-Мохамед хана, и родственником Гусейн-Кули хана, того самого, который убил не особенно по «джентльменски» князя Цицианова, под Баку.

Вероятно Пушкин познакомился с Бакихановым во время Эрзерумского похода, в котором принимал участие Абас Кули ага, в качестве переводчика при канцелярии заместителя. Бакиханов находился при Паскевиче. Затем они виделись и в Петербурге, куда Бакиханов приехал в 1834 году, после своего путешествия по Польше. Интересны письма Сергея Львовича, отца Пушкина, о встрече с азербайджанским поэтом. Вот, что он пишет:

«На днях Александр представил нам Абасагу. Приехав из Варшавы, Абас явился сначала к Александру, который от него в восторге. Этот сын Востока действительно преинтересная личность. Занимательный разговор на совершенно правильном французском языке, изящные манеры, оживленные рассказы о его происшествиях в Азии и Европе, описания его романтических, исполненных поэзии, приключений, рассказы о кампаниях, в которых участвовал — все это произвело на нас самое приятное впечатление».

Абас Кули ага, будучи в Петербурге, находился в обществе родных и близких друзей Пушкина. Днем обедал у поэта, а вечером ходил с ним в театр. Отец Пушкина пишет:

«Вчера Абас у нас отобедал вместе с Александром, Соболевским и графиней Ивелич. Разумеется, обедал и Лев, после чего «капитан» и «поэт» отправились с сыном Магомета да Соболевским в театр, где мусульманин наслаждался созерцанием земных балетных гу-

рий. Завтра — в день рождения Александра — я надеялся познакомить Абаса с Вяземским, но завтра же княгиня Мещерская и Софья Карамзина уезжают за границу, в Италию. Александр их провожает до Кронштадта, так что его годовщины праздновать не будем».

Очевидно, Пушкин, при свидании с Абас-Кули Агой, говорил с ним «по душам», касаясь и политики. Это видно из следующего письма Сергея Львовича к дочери:

«При Абас-аге он (Пушкин) ругал большой петербургский свет уже слишком зло, а на мое замечание рассердился, да сказал: — «Тем лучше, пусть всякий знает — русский или иностранец, все равно, что этот свет — притон низких интриганов, завистников, сплетников и прочих негодяев».

Бакиханов пробыл в Петербурге около месяца, где он успел познакомиться и с представителями декабристов. Вскоре семья Пушкиных выехала из Петербурга. Прощание его с Пушкиным очень выразительно описывают Надежда Осиповна и Сергей Львович:

«Наконец мы расстались с Петербургом... Нас провожали в дорогу Александр, Леон и Абас-Кули. Абас-Кули трогательно с нами простился и несколько раз обнимал папу».

Вскоре затем Бакиханов выехал сам в Одессу, простившись в последний раз с Пушкиным.

НЕАПОЛЬ

1-го февраля Альфред Феррарис, швейцарский ученый из Невшателя, прочел интересную публичную лекцию в неаполитанском Институте Востоковедения, на тему: «*Цивилизация в опасности. Большевики и религия*». В часовой лекции автор развернул картину сегодняшнего положения цивилизации,

угрожаемой растущим влиянием атеизма. Отметим особенно губительное в этом отношении влияние большевизма на молодежь в России и в странах, присоединенных к ней силой (Украина, Кавказ, и пр.), лектор убедительно настаивал на необходимости моральной борьбы против этого опасного явления, призывал к единению и сплоченности вокруг

идей религии и активной антипропаганде лекциями, изданиями и т. д.

Лекция произвела на слушателей глубокое впечатление. Как самому лектору, так и инициатору ее, депутату Б. Барбиеллини-Амидей, была устроена овация.

Ш. Г. Б.

Библиография

ARTUR BIRGAN, консерватор Этнографического Музея Гамбурга — *Цивилизация Кавказа*. Перевод с немецкого Г. Моптандона. Снимки и карты. In-4°, 260 стр. Изд. Паёо. Париж, 1936 г.

ARTHUR BURNAM — *La Civilisation Caucasienne*. Ed. Payot, Paris, 1936.

Книга эта, плод многолетних трудов специалиста, является своего рода введением в историю Кавказа и в изучение Кавказа вообще. Она начинается с краткого описания географических условий двух Кавказов, Северного и Южного, Кавказа европейского и Кавказа азиатского. Затем идет описание костюмов, обычаев, орудий и вообще повседневной жизни черкесов, чеченцев, осетин, татар-горцев, картвельцев (грузин), армян и азербайджанцев. Документация основана преимущественно на предметах, хранящихся в музеях Гамбурга и Берлина.

Во второй главе, говоря о группировке народов Кавказа, автор повторяет ложную теорию, вновь выдвинутую Н. Я. Марром, но никогда не получившую углубленной разработ-

ки, о родственности и близости языка басков с языками южно-кавказскими. Однако (известный профессор из Бордо — Бладе, уже 66 лет тому назад доказал всю абсурдность так называемой родственности басков и грузин, теории выдвинутой еще в античные времена Страбоном, Плинием, Варроном и поддержанной без успеха Бодрином в его «Истории басков», Париж 1867 г.) совпадение нескольких слов или терминов — баско-грузинских еще не означает единства происхождения и громадная разница во всем остальном подразделяет эти два народа в области прав, песен, танцев, костюмов, жилищ и строения черепов.

Книга сопровождается *библиографией* (стр. 251-253), далеко неполной. Нет ни малейшего указания на главные труды Бросса, основателя науки кавказоведения в России, Франции и всей Европы вообще. Совершенно не упоминаются такие авторы, как Розен, Цагарели, Кипшидзе, Шухарт, Уордрод, Шутр, де Бай, Джавахишвили и т. д., в их трудах о Колхиде, Иверии, и двух-Кавказах, исторических и доисторических, лингвистических

и этно-археологических. Очень незаслуженно обойден молчанием, например, весьма важный труд русского академика Н. Ф. Дубровина о старинных нравах и обычаях осетин, ногайцев, черкесов, татар, аварцев, курлов и проч. Этот труд, «История покорения Кавказа» в двух томах, Петербург, 1871 г., in-4°, 1100 стр., является неисчерпаемым источником в области, касающейся *адамов* Кавказа, о которых говорит г. Биган на стр. 184-200.

Библиография трудов А. Дирра о Кавказе полна, насколько возможно, но нет ни малей-

шего упоминания о бароне Усларе, его компатриоте и предшественнике, авторе многочисленных изысканий в области лингвистики Кавказа, опубликованных на русском языке в Тифлисе между 1886 и 1896 г.г.

В общем, весьма полезный труд, и выходит он кстати, в такое время, когда Кавказ стал привлекать внимание и вызывать живой интерес к себе ученых всего мира, особенно после своего второго присоединения к России в 1920-1921 г.г.

Ш. Беридзе.

Неаполь.

Открыта подписка на 1937 год на ежемесячный журнал

4-ый год
издания

„КАВКАЗ“

4-ый год
издания

Орган Независимой Национальной Мысли

Условия подписки:

	на год	на 6 мес.	на 3 мес.
Во Франции	36 фр.	18 фр.	9 фр.
В других странах	38 фр.	19 фр.	9 фр. 50 с.

Адрес Редакции: Mr Haïdar Bammate, 10, rue de Pléto Paris (15).